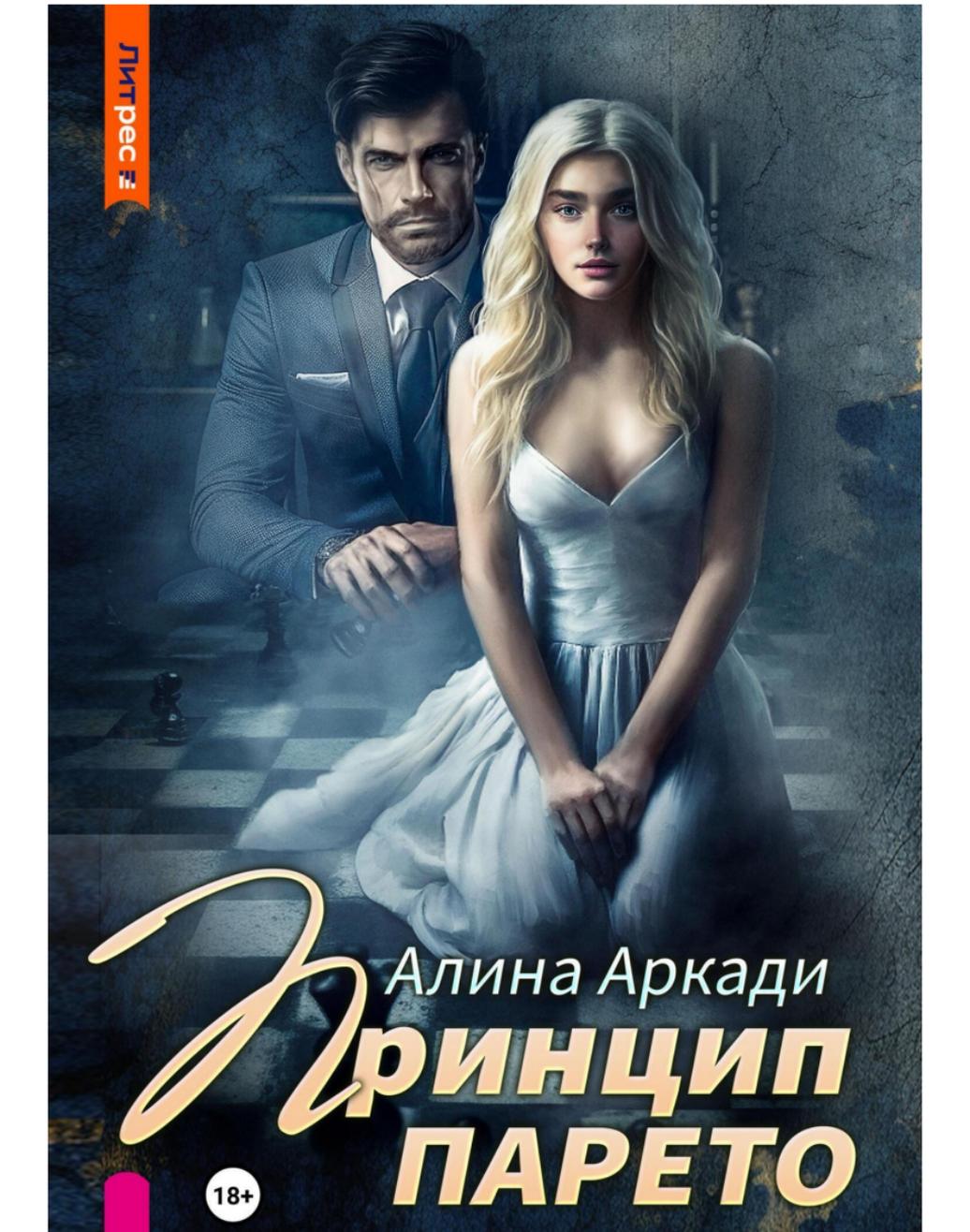

Литрес

Алина Аркади
**Принцип
ПАРЕТО**

18+

Алина Аркади

Принцип Парето

Серия «Жестокие принципы», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68321761

SelfPub; 2024

Аннотация

Она – та, что оказалась заложницей обстоятельств и жизненных проблем, не позволяющих изменить направление движения. Он – тот, кто давно не верит в светлое завтра, руководствуясь принципом рационального распределения возможностей для достижения поставленной цели. У каждого из них своё "правильно", обусловленное опытом пройденного и прочувствованного. Два человека, которые никогда не должны были встретиться, оказываются под крышей одного дома. Сможет ли он научить её действовать, полагаясь лишь на разум? Получится ли у неё научить его прислушиваться к своему сердцу?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	42
Глава 5	57
Глава 6	73
Глава 7	84
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Алина Аркади

Принцип Парето

Закон Парéто (принцип Парето, принцип 80/20) – эмпирическое правило, названное в честь экономиста и социолога Вильфредо Парето, в наиболее общем виде формулируется как «20 % усилий дают 80 % результата, а остальные 80 % усилий – лишь 20 % результата»: то, что мы видим, не всегда соответствует действительности – всегда имеются скрытые факторы; то, что мы рассчитываем получить в результате, как правило, отличается от того, что мы получаем; большинство удачных событий обусловлено действием небольшого числа высокопроизводительных сил, большинство неприятностей связано с действием небольшого числа высокодеструктивных сил; бо́льшая часть действий являет собой пустую трату времени – они не дают ничего реального для достижения желаемого результата.

Глава 1

– Три порции кексов с изюмом, крендельки с карамелью и орехами, пончики с сахарной пудрой. И побыстрее там, – кричит Ксюша, а я мечусь по маленькой кухне кондитерской.

Небольшое помещение три на четыре, где есть место только для одного, а нас здесь со Светой двое. Как умещаемся – непонятно, ещё и успеваем вовремя выдавать блюда. Ну как вовремя, предыдущее опаздывает на десять минут, а принимающая заказы Ксения уже кричит о следующем, подгоняя нас.

Дни бывают разные – суматошный, как сегодня, когда в семь вечера под конец рабочего дня мы вымотаны на максимум. А иногда совсем пусто, словно все люди разом перестали употреблять сладости и перешли на здоровое диетическое питание.

Заканчиваю предыдущий заказ и перехожу к следующему под вопросительным взглядом помощницы, которая работает здесь чуть больше месяца.

– Рабочий день почти закончен, – цокает Света, замешивая тесто на пончики. – Она прекрасно знает, – указывает в сторону зала, где слышится требовательный голос девушки Ксении. – Не люблю её смены, куда приятнее работать с Верой.

– Согласна. Но не забывай, теперь она состоит в личных

отношениях с хозяином, а значит, на голову выше нас, соответственно, её слово против нашего – она всегда права.

– Не она первая, не она последняя, – замечает Света, недовольно вздыхая, но продолжая. – Это ненадолго. Армен слишком влюбчив, чтобы остановиться на одной.

Тихонько хихикаем, понимая, что помощница права и хозяин перебирает женщин со скоростью смены дней недели. Мне от этого не легче, как и от напряжённой обстановки дома. Каждый день по возвращении с работы меня ждёт неизвестность: закончится вечер скандалом с битьём посуды или я получу редкую возможность спокойно уложить ребёнка спать и крепко уснуть самой. Русская рулетка, где ставки делаю не я, да и выигрыш идёт в руки кому-то неизвестному.

Закончив позже на двадцать минут, бегу в сторону метро, чтобы через полчаса оказаться перед дверями квартиры. Поворачиваю ключ в замке, а открыв её, обездвижена криками мужа. Сегодня не мой день. Однозначно.

– Сука, куда ты дела водку? – накидывается с порога, не позволив мне снять верхнюю одежду. – Вылила?

Он едва стоит на ногах, покачиваясь в проёме двери. Стекланный взгляд не предвещает ничего хорошего, накаляя обстановку.

– Не выливала. Сам вчера выпил, если забыл.

– Куда дела? – прижимает своим телом к стене, дышит тошнотворным перегаром, а я отворачиваюсь. – Говори! – встряхивает так сильно, что внутренности подпрыгивают.

– Ты. Её. Выпил.

Отталкиваю его руки, вырываюсь, чтобы пойти в соседнюю комнату и проверить бабулю.

– Как ты? – поднимаю одеяло и оцениваю масштаб катастрофы.

Рома к ней не заходил ни разу за весь день, уверена. Бабуля лишь мычит что-то невнятное, показывая глазами мне за спину.

– Опять дерьмом воняет! – прилетает реплика от мужа. – Достало!

– Это твоя бабушка, – напоминаю в который раз о родственных связях.

– Сдай её в хоспис.

– За него нужно платить, а в нашей семье я одна работаю и содержу себя, бабулю, ребёнка и тебя. Не хочешь мне помочь? – поднимаюсь в полный рост, пожирая злым взглядом то, что осталось от моего мужа, и всё ещё не понимаю, когда Рома успел так деградировать, превратившись в алкоголика, основной целью которого является пополнение ежедневных запасов алкоголя.

– Это моя хата. Не нравится – пошла на хер!

– Мне некуда идти, – сглатываю нервный ком.

Он это знает. Слишком хорошо, чтобы изощряться в унижениях, постоянно указывая на дверь. Если бы я была одна, выкарабкалась бы, нашла варианты и выход, но у меня Тася и бабуля. Последняя утонет в собственных экскрементах или

умрёт от голода, если оставлю её на попечение внука.

– Вот и закрой рот. И водки мне купи, когда на работу пойдёшь, – озвучив приказ, наконец уходит.

Переодеваю бабулю, заменив памперс, кормлю с ложечки. С аппетитом ест, оставляя тарелку пустой. Не всегда могу отпрашиваться в обед, чтобы покормить её, и тогда приходится терпеть до вечера. Из кухни слышится голос мужа, приглашающий очередного собутыльника в гости и рассказывающий, что сука, то есть я, принесёт через пару часов спиртное. Но затем он договаривается о встрече, и я с надеждой почти не дышу, надеясь прийти домой и не застать Рому.

Переодеваюсь и спешу к двери, чтобы не получить вдогонку пару лестных слов от когда-то любимого человека. Направляюсь к соседней двери, нажимаю на звонок и жду ответа.

– Лен, привет. – Приветливая Валя встречает радушной улыбкой.

– Привет. А где...

– Мамочка, – несётся Таська, запрыгивая на руки. – Ты уже на работу?

– Да, малыш. Мне пора.

– Папа опять пьяный? – Вопрос, который четырёхлетняя дочь задаёт каждый день последние два года. Я бы всё отдала, чтобы её детство продлилось как можно дольше, окутывая приятными и волшебными моментами, но увы.

– Да.

– Лен, вызови полицию, – предлагает Валя, как только дочка скрывается в глубине квартиры.

– И что я скажу? Он меня не избивает, никого не трогает, пьёт дома, общественный порядок не нарушает. За дверь своей квартиры человек волен делать всё что угодно, если это не доставляет дискомфорта остальным жильцам дома. Последние пятнадцать суток научили его не применять ко мне физической силы, поэтому теперь Рома уничтожает меня морально. Раньше хотя бы стеснялся дочери, а потом и она перестала быть ограничителем.

– А уйти? – не унимается соседка.

– Куда, Валь? Я детдомовская, родни нет, даже дальней. А выйдя замуж за Рому по наступлении совершеннолетия и прописавшись у него, потеряла право на жилплощадь, которая положена таким, как я. Квартиру снять не могу, потому что работаю одна на трёх работах, и весь доход уходит на содержание ребёнка и бабули, которой требуются памперсы для взрослых, медикаменты и хорошая еда.

– Так баб Люда вроде на тебя завещание составила, так?

– Так, но он здесь прописан, проживает всю жизнь, а бабуля ещё жива. Выгнать его, как ты понимаешь, я не могу. Это мне объяснили в прошлый раз полицейские.

– Замкнутый круг...

– В котором я мечусь в поисках выхода, – заключаю с грустью, на секунду прикрыв глаза. – Ну, ладно, не будем об этом. Я на пару часов, постараюсь побыстрее.

– Беги уже. Потом Тасю заберёшь.

Спешу вниз по лестнице, уже значительно опаздывая. Вторая работа предполагает, что я должна вымыть помещение супермаркета до десяти, успев до закрытия. Дальше небольшой продуктовый магазинчик, на уборку которого есть всего час – третья работа. И так каждый день, словно день сурка, повторяющийся по кругу снова и снова без права на отдых и выходные.

Ежедневное выполнение работы гарантирует, что мой ребёнок будет накормлен и одет, а бабуля получит всё необходимое. Её пенсия проходит мимо меня, попадая прямо в руки Роме, который ещё пару лет назад забрал карту и сменил пароль. Не знаю, какая сумма приходит каждый месяц, но он благополучно пропивает её за две недели, поначалу расточительно угощая всех друзей-собутыльников, а затем требует, чтобы спиртное покупала я. Отказываю, не боясь получить оплеуху или подзатыльник, в надежде, что Рома уйдёт на поиски добавки и, возможно, на пару дней пропадёт. Такие моменты случаются раз в пару месяцев, потому что муж предпочитает пить в комфортной обстановке на кухне, но всё же моменты счастья присутствуют, и в такие дни мы все отсыпаемся, пытаюсь жить нормальной жизнью. Но муж всегда возвращается пьяный и злой, и тогда надежда на лучшее будущее растворяется в ужасных криках.

Быстрее обычного заканчиваю уборку в супермаркете и спешу в магазин за углом. И здесь получается быстрее, по-

этому покупаю Тасе любимый йогурт и бегу домой, чтобы забрать дочь от соседки. Если бы не Валя, которая забирает детей из сада и позволяет проводить моей дочери в своей квартире все выходные, играя с её сыном, давно свихнулась бы в переживаниях. Рома давно перестал помогать, не работая, не заботясь о своей дочери и удовлетворяя лишь собственные потребности. Да и не оставила бы я Тасю с ним, опасаясь, что друзья мужа могут обидеть ребёнка.

Забираю дочку и осторожно вхожу в квартиру, встречающую мёртвой тишиной. Ушёл. Медленно выдыхаю, а осмотрев комнаты, позволяю себе немного расслабиться. Тася напряжена, ожидая криков папы, но, заметив мою улыбку, сразу понимает, что сегодня будем спать одни. Редкий момент, когда мы вдвоём заберёмся под одно одеяло, уютно устроившись на узкой кровати, и долго будем читать сказки, рассматривая яркие картинки и обсуждая персонажей. Оказывается, иногда так мало необходимо для счастья: спокойные моменты, словно крупички золота, растягиваешь и мечтаешь продлить.

Таська плещется в ванной, радостно повизгивая и разбрызгивая воду. Не ругаюсь, понимая, что момент отсутствия нашего папы дома мимолётный, а завтра мы вновь будем купаться под стук в дверь и оскорбления самыми гадкими словами. Я привыкла, научившись дистанцироваться и не реагировать на выпады мужа, а следом равнодушную позицию заняла и Тася, стараясь не попадаться на глаза папе.

Мой ребёнок слишком быстро взрослеет, каждый день наблюдая неприглядную картинку жизни, к которой стремиться не нужно.

Две кровати в комнате, одну из которых занимает бабуля, а вторую мы с дочерью. Другая спальня в полном распоряжении Ромы, которую он закрывает от нас на ключ и забирает его с собой. Я не была там больше двух лет и не имею представления, в каком виде пребывает комната и что в ней находится. Но думаю, в комфорте нет необходимости, потому что муж добирается до кровати, завалившись прямо в одежде и обуви. Привычная картинка, давно не вызывающая удивления, злости или возмущения. Будто так и должно быть, а как протекает нормальная жизнь с аппетитными ароматами на кухне и человеческими разговорами, я уже не помню.

Пока Тася крутится в кровати, листая любимую книжку, стою под потоками воды, закрыв глаза и отключившись от мира, который мне до коликов противен. Тотальная усталость накрывает, как только позволяю себе глубокий вдох и надежду на спокойную ночь. Я так устала, что с готовностью готова мчаться в неизвестном направлении от этой омерзительной жизни, подобия человека рядом и проблем, которых моя дочь понимать не должна.

Работа в забегаловке не то, о чём я мечтала, оканчивая кулинарный техникум и отработав два года до декрета в большой кондитерской, но Армен позволяет мне убежать среди рабочего дня, чтобы проведать бабулю, и брать на работу Та-

сю по выходным, не замечая моего ребёнка в зале. А ещё даёт денег взаймы и разрешает готовить на кухне кафе еду для моих девочек, потому что кухня в квартире давно превратилась в помойку, а всю имеющуюся посуду Рома пропил или же попросту уничтожил, как и большинство нашей одежды. То немногое, что у меня имеется, хранится в кафе вместе с Тасиными вещами.

Впервые за долгое время позволив себе выпасть из реальности, выключаю воду и иду в комнату, чтобы убедиться, что муж не вернулся. Дочь свернулась клубочком, подложив ладони под щёку, а бабуля размеренно сопит. Закрываю дверь на две щеколды, прекрасно понимая, что это не является преградой для Ромы, но в последнее время он себе позволяет лишь тарбанить в двери и орать матом, пугая ребёнка.

Укладываюсь, обнимая свою девочку и целуя светлую макушку, несмотря на усталость, ещё долго лежу с открытыми глазами, прислушиваясь к дыханию людей в комнате. Обдумываю свою жизнь и положение, которое кажется тупиковым, но вместе с тем мечтаю, чтобы перемены стремительно ворвались в эту квартиру, изменив судьбу моего ребёнка и мою собственную.

Глава 2

– Вставай! – Рома стучит в дверь, пинает снаружи ногами и сыплет проклятия на всех, кто находится в комнате.

Тася подскакивает, испуганно озираясь по сторонам и прислушиваясь к громким выкрикам. Затем, понимая, что папа ведёт себя в привычной манере, обнимает меня и с силой прижимается. Новый день и знакомый Рома. Надежды, что он пропадёт на пару дней, не оправдались, а следующее исчезновение произойдёт нескоро. Приближается день пенсии, а значит, пару недель после её получения наш дом будет забит собутыльниками, желающими напиться на халяву.

Чувствую себя разбитой и уставшей, с трудом поднимаюсь с постели, замечая на себе взгляд бабули. Она давно, как и Тася, привыкла к тому человеку, в которого превратился её внук. Вероятно, имея способность говорить, попыталась бы направить его на путь истинный, но последствия трёх инсультов лишили старого человека возможности говорить, парализовав мышцы лица и семьдесят процентов тела.

Замечаю неладное, а измерив давление, понимаю, что необходимо вызвать скорую. Как правило, значительно улучшить положение бабули врачи давно не могут, но у бригады скорой есть медикаменты, которые почти мгновенно ей помогут.

Собираю Тасю, чтобы отвести к Вале, предварительно ей

позвонив и объяснив ситуацию. Сегодня она сама отведёт детей в сад, позволив мне дожидаться скорую. Предупреждаю Армена, который недовольно фыркает в трубку, но соглашается, напоминая, почему я работаю у него.

– Почему не открывала? – Рома бесится, семена за мной по коридору.

– Спала.

– Тебе пора на работу.

– А ты что, следишь, чтобы я не опаздывала? – резко разворачиваюсь, встречаясь с вполне адекватным взглядом слегка захмелевшего человека. Нонсенс, который вызывает изумление. – Отведу Тасю и вернусь, – бросаю, закрывая дверь, – сейчас скорая приедет.

Валя перехватывает дочь и бежит по лестнице вниз, опаздывая в садик. Возвращаюсь в квартиру, улавливая непривычные звуки из ванной: стук, шуршание и маты Ромы. Но дёрнув ручку, удивляюсь, что дверь закрыта изнутри, хотя мужу плевать на всех в квартире и свои нужды он справляет никого не стесняясь.

– Что надо? Не мешай, – рявкает. – Иди к бабке.

Звонок оповещает, что бригада прибыла. Впускаю врача, сразу направляя в комнату, где едва слышно стонет бабуля. Привычные вопросы, осмотр, укол и тяжёлый вздох.

– Девяносто два года и три инсульта – на улучшение надеяться не стоит, – выносит вердикт, когда мы выходим на лестничную клетку.

– Я всё понимаю.

– В общем, готовьтесь. Недолго осталось.

Вот так просто и спокойно, словно он каждый день приносит заученную фразу, причиняющую людям боль. Задерживаюсь на лестничной клетке, обняв себя руками и приводя мысли в порядок. К таким моментам никогда нельзя быть готовым, а бабуля – единственный человек, который последние несколько лет проявлял ко мне и Тасе искреннюю любовь и заботу. Когда она ещё могла говорить, Рома получал нагоняй и выслушивал разъяснительные нотации ежедневно, фыркал и злился, но не перечил. Но как только бабуля замолчала, развернулся на всю катушку, не сдерживая себя.

Возвращаюсь, чтобы повторно проверить давление и удостовериться, что укол подействовал. Она даже делает попытку улыбнуться, показывая, что всё хорошо и я могу спешить на работу.

Но перед выходом, убедившись, что Рома закрылся на кухне, заглядываю в ванную. Что-то меня смущает в привычной обстановке, и я внимательно изучаю помещение, пока не натыкаюсь взглядом на край пакета за ванной. Вчера его здесь точно не было, и, нагнувшись, просовываю руку, разворачиваю целлофан, какую-то грязную тряпку и вижу на ладони... пистолет. Настоящий, тяжёлый, в мелких царапинах, точно как в фильмах или сериалах про полицейских. Не представляю, откуда он взялся, а вспоминая утреннее поведение Ромы, сразу понимаю, кто принёс оружие. В голове

чередой проносятся ужасающие мысли, а наличие оружия в квартире, где есть ребёнок, уничтожает предположениями последствий, поэтому не задумываясь засовываю его в сумку. Почти на цыпочках выхожу из квартиры и стрелой мчусь на выход, а через пару кварталов бросаю опасное содержимое в мусорный контейнер. Становится спокойнее и легче. Даже если Рома будет искать то, что принёс, для начала ему придётся признаться, откуда взялось оружие, но вряд ли он удостоит меня такой чести.

Рабочий день проходит в суете, а постоянное присутствие Армена напрягает. Его сальные взгляды, оставляющие почти физические ощущения, противны. Если такие, как Ксения, легко ложатся под начальство, чтобы улучшить своё положение, то я не готова спать с кем-то с выгодой для себя.

Возвращаюсь домой, сталкиваясь с омерзительной тишиной и отсутствием мужа. Иду к бабуле, чтобы покормить и проверить состояние, но застываю в дверях... Понятно без слов. Никогда не видела мёртвого человека так близко, но отчего-то, даже не приближаясь, осознаю случившееся. Набираю номер скорой и участкового, в ожидании оседая на обувную полку в прихожей.

В глубине квартиры тикают часы, словно острые стрелочки отсчитывают каждую минуту моей несостоявшейся жизни, напоминая, что время скоротечно и монотонно отмеряет счастье, дарованное каждому из нас. Смерть так близко и так явно ощущается в данную минуту, что к горлу подкаты-

вает тошнота, и только сейчас вспоминаю, что сегодня ещё ничего не ела.

Не знаю, сколько сижу в таком положении, но звонок в дверь вырывает из забытья, возвращая в противную реальность. Участковый совместно с врачами фиксирует время смерти, задавая вопросы и заполняя бумаги. Сейчас в комнате тот же врач, что был здесь утром. Тело забирают в морг, хотя смысл вскрытия мне непонятен, но человек в белом халате говорит, что таковы правила, и я лишь спокойно киваю. Мне объясняют, когда можно забрать тело и организовать похороны, и мысль, что на это требуются деньги, меня разрушает. Есть сумма, которую я скопила, откладывая крохи, но и её, вероятно, не хватит. Собираю бельё с кровати, обдумывая, как объяснить Тасе, куда делась бабушка и почему не вернётся, когда слышу за спиной шорох, а обернувшись, вижу Рому.

– Бабушка умерла. Забрать можно послезавтра, сразу похороны. У меня есть кое-что, но этого не хватит, чтобы оплатить услуги ритуального агентства, так что помощи.

Рома замолкает на минуту, и, кажется, в этот момент в глазах проносится что-то человеческое и даже скорбное.

– Ствол где?

– Ты о чём?

– Утром засунул его за ванну, в пакете. Куда унесла?

Парадоксально, но сейчас передо мной практически трезвый человек с осмысленным, серьёзным взглядом, которого

я не наблюдала уже пару лет.

– В контейнере, в двух кварталах от дома. Если желаешь, можешь покопаться, – говорю открыто, понимая, что мусор, скорее всего, уже вывезли. – В доме, где есть ребёнок, опасно хранить такие вещи. Так сможешь с деньгами на похороны?

– Твои проблемы, – зло бросает, и через минуту я остаюсь в полной тишине.

Рома, который благополучно переложил все возникающие проблемы на мои плечи, просто уходит. Бабушка – единственный родственник, который у него был. Человек, заменивший ему мать, после смерти перестал интересоваться внука, вероятно, по причине того, что будет прекращена выплата пенсии.

Чувствую себя разбитой и обессиленной, когда мне звонят из супермаркета и предъявляют опоздание. Договариваюсь с менеджером, что выполню работу ночью под наблюдением охранника, и ползу к Вале. Всё понимает, соглашаясь оставить Тасю у себя на ночь и одолжить денег на похороны.

Возвращаюсь поздно ночью уставшая настолько, что, рухнув на постель, просто рыдаю долгое время, сожалея о бабуле, своей никчёмной жизни и невозможности уйти от Ромы даже сейчас. Теперь, оставшись без накопленной суммы, не смогу снять жильё, а долг Вале прибавит проблем. Ещё долго мне придётся ущемлять себя во всём, чтобы расплатиться с соседкой.

Рома не приходит и на следующий день, когда уйду на

работу, и вечером, когда возвращаюсь. Тася радуется, и я вместе с ней, но больше чем на два дня муж никогда не пропал, и меня охватывает волнение. Нет, не за его жизнь или благополучие – не покидает странное чувство чего-то страшного и неизбежного. Похороны проходят в тишине, в присутствии Вали, меня и Таси – скромно и сдержанно. Вот так, умер человек, и только трое пришли проводить его в последний путь, отдав дань уважения.

Ещё пара дней проходит привычно и спокойно без присутствия в квартире мужа. Радостно и в то же время напряжённо, потому что уже две ночи слышу какие-то шорохи на лестничной клетке, а с утра вижу стопку коробок, непонятно кому принадлежащих. Валя не в курсе, соседи напротив тоже, и я оставляю этот момент без внимания. А вечером...

– Добрый вечер. – На пороге стоит толстый высокий мужчина под руку с женщиной лет сорока. – Мы новые хозяева, просим вас выехать.

– Хозяева чего? – удивлённо смотрю на парочку.

– Вот, – тычет мне в нос бумагой. – Мы купили эту квартиру.

– У кого? – листаю документы, на которых внизу данные бабули и её подпись, датированные тремя неделями раньше.

– У бабушки, Людмила Степановна Орлова. Подпись видите?

– Вижу, но у меня есть нотариально заверенное завещание, по которому наследница я.

– Какое завещание, алё? – заводится мужик, проталкивая меня в квартиру. Напускная учтивость испаряется. На звук голосов выбегает Тася, обхватив мои ноги. – Мы купили хату три недели назад, а бабка умерла недавно. Всё верно и по закону. Вали отсюда! – толкает меня, и я, едва не падая, успеваю схватиться за дверь.

– Это незаконно. У неё даже пальцы не двигались, не могла она подпись поставить. Пару лет назад – да, но не недавно, – убеждаю мужчину в неправильности документа.

– Сама ставила – видел. Подтверди, – указывает на женщину.

– Да, – пищит брюнетка, потакая мужику.

– Двое против одного, так что выметайся.

– Куда? – готова разреветься, не понимая, куда идти в восемь вечера, зимой, да ещё и с ребёнком. – У меня маленькая дочь, вы не имеете права меня выгнать сейчас. Дайте время жильё найти, – понимая, что убедить мужика не получится, прошу отсрочку.

– Сейчас, сказал!

– Нет, – прижимаю Тасю и остаюсь на месте.

– Сама напросилась, дура, – шипит мне в лицо и выходит за дверь.

Возвращается в сопровождении двух полицейский ужасающего вида, которые со злостью смотрят на меня и Тасю.

– Человек квартиру купил. Она его собственность. Выходим, – указывает на дверь.

– Вы же представители закона, – почти молю людей в форме, – меня не могут выгнать с ребёнком в ночь, да ещё и зимой.

– Вам давали время на сборы...

– Да я только что услышала, что квартиру продали. Какие сборы? – срываюсь на крик, прерываемый всхлипываниями.

– Не ври! – тычет в меня пальцем новый хозяин. – Муж твой сказал, ты в курсе.

– Муж? – хватаю телефон и набираю номер Ромы несколько раз – выключено. – Да я с этим алкашом разговариваю нечасто. Ничего не говорил.

– Так, дамочка, на выход. – Полицейский подталкивает меня к двери, а за мной и Тасю в футболке и носочках.

– Можно вещи собрать? Я быстро, – умоляюще смотрю на мужчин.

– У тебя пять минут, – рявкает хозяин, и я несусь в комнату.

Одеваю дочку, попутно запихивая в пакеты свои вещи: всё, что на виду, хаотично скидываю и выхожу из комнаты. Меня выпроваживают, закрывая дверь. Растерянно стою на лестничной клетке, переваривая произошедшее, и не знаю, куда бежать.

– Мам, а где мы теперь будем жить? – Дочка задаёт контрольный вопрос, и по моим щекам стекают молчаливые слезинки.

Бросаюсь к квартире Вали, нажимаю на звонок снова и

снова, но за дверью звенящая тишина. Звоню ей, но абонент недоступен.

– Мам, тётя Валя уехала к сестре сегодня. Она же говорила...

Точно, говорила, только я пропустила мимо ушей важную информацию. Чёрт! Но в следующую минуту в голову приходит мысль, и я набираю Армена. Начальник с радостью соглашается помочь и просит подъехать к кафе, что я и делаю, схватив вещи и Тасю.

Глава 3

На протяжении всего пути к кафе набираю попеременно Рому и Валю. Телефон недоступен у обоих. Муж и раньше не оповещал, куда и насколько уходит, но меня этот факт радовал, сейчас же хочу получить хоть какие-то объяснения, почему в один момент мы остались без жилья.

– Простите, что выдернула вас вечером, – извиняюсь перед Арменом, виновато опустив глаза.

Мне кажется или данная ситуация его радует? Улыбка не сходит с лица, а Тася жмётся ко мне ближе, исподлобья поглядывая на моего начальника.

– Всё в порядке, Леночка, – проворачивает ключ в замке, распахивая передо мной двери кафе. – Мне несложно.

Усадив дочь в зале, спешу в подсобку, чтобы собрать свои вещи: то небольшое, что не успел пропить или в пьяном порыве выбросить Рома.

– Куда пойдёте? – стоит надо мной, загораживая двери маленькой комнатки, в которой мы со Светой всегда переодеваемся по очереди.

– Пока не знаю.

– У меня тётка комнаты сдаёт, – начинает издалека, – вполне приличные, уютные и тут недалеко.

– Правда? – Слабый луч надежды пристроиться хоть куда-нибудь, чтобы отдохнуть и обдумать ситуацию, в которую

я попала. – А сколько стоит?

– Всего-то двадцать тысяч в месяц. Но комнаты хорошие, душ имеется, кухня общая.

– Двадцать?.. – растерянно осматриваюсь, вспоминая, что после похорон бабули в кошельке осталась пара тысяч, не более. – Это очень много. У меня сейчас нет, а платить необходимо сразу. Никто не позволит мне жить в долг.

– Я могу с ней договориться. Поручиться за своего работника, объяснить ситуацию. Насколько я понял из короткого рассказа, идти вам некуда.

И вновь улыбка, которую мужчина даже не делает попыток скрыть. Чувствую неприятный холодок, спускающийся к конечностям, и хочу протиснуться к выходу, но Армен останавливает.

– А вы правда можете? То есть вас или вашу тётю такой вариант устроит?

– Конечно, устроит, Леночка, – все слова с придыханием, рокоचущим голосом, который смакует каждую букву моего имени. – Но взамен я кое-что попрошу. Несущественное, простое, совсем несложное...

– Я всё отработаю. Могу допоздна, без выходных. Дополнительно зал убирать и даже в качестве охранника здесь оставаться, если вас...

Мужчина наклоняется ниже, оттесняя меня в угол, где стоит стеллаж с посудой.

– Нет, Лена. Всё просто: ты со мной спишь, и уже через

двадцать минут у тебя есть тёплая комната, горячий ужин и чистая постель. А если постараться, и отдельная квартира будет.

– Ч-что?

– Такая красота не должна прятаться в маленькой комнате.

Проводит тыльной стороной ладони по щеке, вызывая отвращение, а когда до меня всё же доходит всё произнесённое Арменом, я стараюсь его оттолкнуть и метнуться к двери. Но он сильнее, поэтому одним движением возвращает на место, прижимая к себе и покрывая шею поцелуями.

– Ну же, Леночка, будь хорошей девочкой. – Бью его в грудь что есть силы, вырываясь. – Блондинки – моя слабость. А ты такая сладкая и сочная, – лезет слюнявыми губами в мой рот, и я успеваю укусить его язык.

Пока он матерится, замахиваясь на меня, отталкиваю, и мужчина с грохотом валится в угол на ящики с посудой. Хватаю вещи, вылетаю в зал, встречаясь со встревоженным взглядом моего ребёнка.

– Мамочка, тебе плохо?

– Хорошо, – выкрикиваю и, схватив Тасю, бегу прочь от этого чёртового места и мужчины, который настойчиво требовал близости.

Во рту всё ещё гуляет его вкус, и я несколько раз вытираю рот платком, чтобы избавиться от тошнотворного ощущения. Ташу дочь за руку, и она с трудом поспевает за мной.

Теряюсь в направлении, но сейчас мне всё равно, главное – найти безопасное место и отдышаться. Неожиданно на меня кто-то налетает, и я, сбитая с ног, падаю, роняя сумки и пакеты.

– Ой, девушка, простите. – Передо мной женщина лет сорока, которая бежит вокруг и помогает мне подняться. – Я не нарочно, спешила...

– Да ничего страшного, – пытаюсь улыбнуться, но ушибленное бедро простреливает болью, и я издаю жалобный стон.

Вокруг меня разбросаны пакеты, а Тася собирает вещи, которые вывалились на тротуар. Женская сумка перевернута, наспех поднимаю всё, заталкивая обратно кошелек и документы. Виновница моего падения присоединяется, и вместе мы быстро справляемся с проблемой.

– Ещё раз простите, я не хотела.

– Бывает, – пожимаю плечами.

Ещё пару раз извинившись, она идёт дальше не оборачиваясь, а затем и вовсе пропадает за углом.

Куда идти? Ночь, январь, мороз, а я на улице с ребёнком. Запоздалая идея даёт надежду: позвонить Свете, своей напарнице. У Армена она работает недавно, но мы с ней сблизилась, нашли общий язык и подружились. Она мало что рассказывала о себе, да и я никогда не делилась подробностями своей жизни и проблемами, с которыми сталкиваюсь ежедневно, но иного выхода нет. Долго роюсь в сум-

ке, а достав телефон, готова разрыдаться: экран разбит, покрывшись мелкой сеткой осколков, а кнопки не реагируют на нажатие. Старенький телефон, который Рома купил мне, когда родилась Тася, сегодня закончил своё существование. Предполагаю, именно падение моей сумки испортило аппарат. Адрес Светы я не знаю, и, кроме номера, никаких иных данных у меня нет.

– Мам, я замёрзла, – всхлипывает Тася, дёргая меня за руку. – Кушать хочу...

Я понимаю, что стою посреди огромного города с кучей вещей и маленьким ребёнком, не понимая, куда идти. Некуда. Не к кому. Мне бы немного времени, чтобы отдышаться, подумать, решить, как действовать дальше. Совсем чуть-чуть...

Громкий гудок поезда привлекает моё внимание, а оглядевшись, понимаю, что я недалеко от железнодорожного вокзала, несколько кварталов. Он работает круглосуточно, а в зале ожидания тепло и много людей, среди которых безопасно. Хватаю Тасю за руку в пушистой варежке и тащу по улице, чтобы побыстрее добраться в тепло. Дочка активно перебирает ножками, спешит следом. Несколько сумок мешают свободно двигаться, и я отпускаю Тасю, приказывая схватиться за мой рукав, чтобы распределить нагрузку.

В здании вокзала многолюдно, но главное – тепло. Множество кресел рядами, чуть дальше лавки, скромная кафешка, несколько торговых павильонов, большое табло с распи-

санием прибывающих поездов. Направляюсь в дальний угол, где свободно несколько мест и тихо. Перед кассами очередь из трёх человек, а ожидающие пассажиры заняты своими делами, не обращая внимания на девушку с ребёнком и сумками. Здесь каждый с багажом и никому нет дела, кто заходит и выходит из здания.

– Мам, я писать хочу. – Тася указывает на дверь туалета, и я понимаю, что ребёнок уже несколько часов таскается со мной по городу, ни разу не пожаловавшись на неудобства.

– Пойдём.

В туалете, как ни странно, никого. Оставляю сумки, веду дочку по нужде, а затем мою холодные ручки и лицо.

– А теперь кушать. – Стоило отогреться, как у ребёнка просыпается аппетит.

– Сейчас купим.

Издаലെка рассматриваю меню кафешки, замечая булочки, пирожки и слоёнки. Хотя что-то, чтобы забить голод, а ещё сок, яблочный, Тасин любимый. Нырряю рукой в сумку и сглатываю. Выворачиваю содержимое на кресло, перебирая вещи, и не нахожу кошелька. Точно помню, как подняла его с тротуара и положила вместе с документами, но последние на месте, а кошелька нет. Оседаю на кресло, припоминая инцидент с падением, и меня осеняет – его вытащила та женщина. Столкновение было неслучайным, возможно, спланированным для дальнейшей кражи содержимого сумки. Закрываю голову руками, обречённо склонившись к коленям. У меня

не осталось ничего: бабули, жилья, денег, телефона, возможностей дать своему ребёнку хотя бы ночлег...

– Мамочка, не плачь. – Маленькие ладошки стирают слезинки с моего лица. Тася целует меня в щёку и гладит по голове, успокаивая.

Невероятно, четырёхлетняя дочь заботливо и ласково обнимает, приговаривая, какая я у неё замечательная и любимая. Ради таких моментов я существую, отдавая всю себя кусочку моего счастья. Ради неё же не могу опустить руки и продолжу бороться. Ищу платок и, на моё счастье, нахожу в кармане куртки четыреста рублей. Радуюсь, словно ребёнок, тому малому, что сейчас держу в ладони. Покупаю Тасе пирожок и сок, и ничего для себя, понимая, что дальше лишь неизвестность, а это последние деньги, которые у меня имеются. Ест дочь с аппетитом, не забывает предложить мне. Отказываюсь, убеждая, что сыта. Моя основная задача – накормить её, а я потерплю. Смотрю на вокзальные часы, на которых время давно перевалило за полночь. Тася зевает, с трудом держит глаза открытыми, но я беру дочку на руки, чтобы она уснула. Шепчу ласковые слова, глажу по голове и убаюкиваю, а когда засыпает, вновь погружаюсь в собственные мысли.

Завтра пугает своей неизвестностью и туманностью моего положения, где я одна без жилья, денег и знакомых, которые бы мне могли помочь. Не знаю, каким будет наше будущее, если вообще будет, исходя из положения, в котором оказа-

лись. Сейчас понимаю, что квартиры мы лишились по вине Ромы, который, как мне кажется, подделал подпись бабули и продал жильё. Думаю, что новые владельцы напоили мужа или припугнули, заставив подписать документы. Сумма, которую я видела в договоре, мизерная для жилья в большом городе. Конечно, не центр, но и не окраина, где за такие деньги можно разве что комнату в общежитии купить, не больше.

И Вали дома не было, и Армен не помог, требуя за свои услуги лечь под него... Я давно замечала на себе его сальные, плотоядные взгляды, но часто говорила, что замужем, делая на этом акцент, и он не решался бросаться грязными предложениями. Осмелел сегодня, осознав, что я нахожусь в безвыходном положении.

Теряю нить размышлений, когда закрываются глаза, и я погружаюсь в полудрёму, всё же реагируя на звуки вокруг и людей, которые садятся рядом, а затем уходят. Ночь пролетает незаметно, а проснувшись утром, вижу вокзал, наводнённый людьми, бегущими по своим делам.

Покупаю Тасе булочку и чай, уговаривая поесть. Не отказывается, внимательно смотрит серыми глазёнками и продолжает успокаивать потерянную маму. Рядом располагается семейная пара с детьми, с которыми дочка находит общий язык и несколько часов занимается играми. Мужчина и женщина обсуждают поездку к родным, перечисляя многочисленных родственников и вспоминая, какие подарки они ку-

пили.

Устремляю взгляд в зал, находя себе развлечение – наблюдаю за людьми. Вокзалы и аэропорты видели любви и слёз больше, чем все места, вместе взятые: встречи любимых, сопровождающиеся жаркими поцелуями; прощания, скреплённые тесными объятиями и слезами горечи; смех, обиду, разочарование и жалость к себе и окружающим. Мы не замечаем этого, когда спешим по своим делам, опасаясь не успеть на запланированную встречу, работу, остановку автобуса. Жизнь несётся мимо быстрее, чем нам кажется. Открыл глаза – утро, закрыл – следующая неделя, моргнул – лето, задумался – десять лет прошло. Быстро, незаметно, зря...

Сейчас, анализируя последние пять лет своей жизни, благодарна только одному – у меня есть Тася. Мой свет, моя девочка, которая заставляет идти вперёд, не оглядываясь на мужа-алкоголика, тяжёлую работу, проблемы и разочарования. Если бы не она, я бы сдалась ещё вчера, когда стояла на тротуаре с разбитым телефоном в руке. Нельзя, не имею права, не положено. После любой чёрной полосы всегда по определению появляется белая, просто моя чуточку затянулась – на два с лишним года.

– Предъявите, пожалуйста, документы. – Передо мной вырастает высокая фигура полицейского, который, уставившись на меня, ждёт ответа.

– А? Да... – достаю из сумки паспорт, вручая мужчине.

– Так... местная, судя по прописке, – смотрит на фото в

паспорте, сверяя с оригиналом, то есть мною. – А девочка? – кивает в сторону Таси, и я тут же протягиваю свидетельство о рождении. – Дочь, ясно...

– Что-то не так? – сглатываю, уставившись на мужчину.

– Ребёнка позавчера украли у пары семейной. Похожа на вашу дочку. Всё в порядке, – протягивает документы. – Поезд ждёте?

– Да, – придвигаю вещи, закрывая ногой.

– Мы меняемся в восемь утра. Уже почти десять вечера, а вы на прежнем месте. Когда у вас поезд?

– Завтра, – придумываю на ходу, чтобы не вызвать подозрений.

– А почему так рано приехали? Обычно люди опаздывают, а вы за сутки на вокзал прибыли.

– Так получилось, – нервно сглатываю, хаотично бегаю взглядом и силюсь придумать очередную ложь, которая спасёт меня от подозрений.

– Ясно. За ребёнком следите.

Последнее, что звучит из уст сторонника правопорядка, и он направляется в противоположный конец зала, останавливаясь рядом с напарником. И только в этот момент приходит осознание, что я не так незаметна, как казалось изначально, и начинаю привлекать внимание. Сколько смогу здесь находиться, пичкать дочь пирожками и спать сидя? Но я по-прежнему не имею ни единой мысли, что делать дальше и куда двигаться. Нет знакомых и друзей, денег и возможности

снять жильё. Тупик, в котором я зажата, словно в ловушке.

Тася забирается ко мне на колени, перекусив очередным пирожком, и засыпает. Вторая ночь в этом зале даётся тяжелее. Практически неизменная поза, явный голод и усталость накрывают безысходностью и желанием выть от беспомощности. На смену обречённости приходит паника, а за ней страх за будущее Таси и своё. Не могу ответить самой себе на вопрос, по какой причине я, будто приклеенная, остаюсь в здании вокзала, не решаясь ступить за его пределы. И тут же отвечаю – неизвестность.

Утром первым делом иду в туалет, чтобы умыть дочку и привести себя в порядок, насколько это возможно в условиях общественного вокзала. Замечаю настороженный взгляд девушки-продавца кафе и двух полицейских, которых, кажется, видела здесь позавчера. Медленно прохаживаются мимо, прислушиваясь, о чём мы с Тасей говорим, ненадолго останавливаются, продолжают движение и вновь возвращаются ко мне. Наконец ближе к вечеру один из мужчин не выдерживает и подходит к нам.

– Предъявите, пожалуйста, документы.

Молча протягиваю паспорт, ожидая вердикта мужчины. Но, кажется, по моему виду он понимает, что измотанная женщина перед ним правдиво ответит на все вопросы.

– Мы были на смене позавчера, – начинает, подзывая напарника, – вы с ребёнком зашли в здание вокзала примерно в одиннадцать вечера. Прошло почти двое суток, а вы ещё

здесь.

– Жду поезд, – отвечаю на автомате.

– Покажите билеты.

– Ещё не купила.

– Пройдёмте с нами до выяснения обстоятельств, – кивает в сторону выхода, показывая, что я должна идти за ним.

– А там тепло?

– Что?

– Туда, куда вы меня поведёте, – тепло? – я настолько устала, что мне плевать, куда и зачем меня ведут, главное, чтобы Тася не замёрзла и смогла поесть.

– Вам некуда идти? – присаживается рядом, с интересом разглядывая меня.

– Некуда, – подтверждаю, потому что отнекиваться бессмысленно.

– Прописка местная, и муж имеется, насколько я понял, – приводит аргументы мужчина.

– Муж алкоголик, продал квартиру неизвестным людям без моего ведома. Они-то нас и выгнали совместно с вашими коллегами. Обратилась к начальнику, который вместо помощи попытался изнасиловать. Разбила телефон, а кошелёк украли. Вот так... – выдаю всю правду, получая неожиданное облегчение.

– Сидеть здесь не выход. Вы же это понимаете?

– Понимаю, но пока вариантов у меня нет, – пожимаю плечами, глажу по голове дочку, которая пристроилась на со-

седнем кресле, положив голову на мои колени. – Я ещё не придумала.

– Ясно, – поднимается, увлекая за собой напарника.

Наблюдаю за мужчинами, один из которых подходит к автомату, чтобы заказать кофе, а второй покидает здание вокзала. Судорожно сглатываю, давлюсь слюной, желая горячего напитка и хоть какой-нибудь еды. Мужчина берёт стаканчик и направляется ко мне, но путь ему преграждает человек в чёрном пальто. В его руках смешная клетчатая сумка, которая совершенно не идёт его образу, вызывая улыбку. Странный персонаж активно беседует с полицейскими, когда к нему подходит женщина лет шестидесяти, а через десять минут к ним присоединяется второй сотрудник правопорядка. Не знаю, на какую тему беседа, но в какой-то момент вся компания оборачивается, уставившись на меня. Неуютно настолько, что отворачиваюсь в другую сторону, чтобы не гореть под взглядом четырёх пар глаз.

– Добрый вечер. – Женщина присаживается рядом, обращаясь ко мне.

– Добрый.

– Я Лариса Петровна, а вы?

– Я Лена, а это, – глажу дочь по волосам, – Таисия.

– Саша сказал, что вы попали в сложную ситуацию.

– Саша? – смотрю на мужчин, пытаюсь угадать, кого конкретно она имеет в виду.

– Высокий брюнет, – кивает в сторону полицейских, и ста-

новится понятно, что Саша тот, кто со мной разговаривал после проверки документов.

– Да, всё верно.

– А что вы умеете делать, Лена?

– В смысле?

– Убирать комнаты можете? – Киваю. – Стирать? – Снова кивок. – А готовить?

– Готовлю хорошо, но ещё лучше делаю торты и пирожные, – улыбаюсь, наклоняясь ближе к Ларисе Петровне. – Окончила кулинарный техникум. Люблю создавать сладости. Любила... – вспоминаю, что последние несколько лет работала на крохотной кухне Армена, не имея возможности заниматься сложными кондитерскими изделиями.

– Что ж... – Женщина откидывается на спинку кресла, откровенно меня оценивая. – Может, это и к лучшему, – разговаривает сама с собой, пожимая плечами.

– Что именно?

– Предлагаю вам поехать со мной. Я работаю в большом доме у одного влиятельного человека. Наверное, это можно назвать управляющий, а если просто – завхоз. Комнату вам дадут, работу тоже, с ребёнком пока неясно, что делать... но мы придумаем.

– Вы мне работу предлагаете? Вы же меня не знаете, – смотрю опешившим взглядом, не веря в то, что слышу. – Впервые видите...

– Я хорошо разбираюсь в людях, Лена. Вы выглядите

скромно, но прилично и не вызывающе. Спокойная, учтивая и заботливая, – кивает на Тасю, которая практически лежит на мне, раскинув ручки в стороны. – Пальцы в ожогах. Вероятно, работали на кухне, обварились в кипящем масле. У меня такие же, – показывает ладони. – Я предлагаю вам выход, возможно, временный, но всё же это лучше, чем сидеть здесь.

Внутри разрывают сомнения: незнакомая женщина, какой-то дом и неизвестность, которая имеет неопределённые последствия. Но я так устала... Смертельно устала.

– Сколько вы не ели? – Отворачиваюсь, сжимаясь под её взглядом. – А сколько не спали?

– Двое суток, – честно отвечаю. – Даже немного больше.

– Сколько ещё сможете не спать? А? А она? – показывает на Тасю. – Девочка маленькая, а на вокзальных пирожках долго не продержишься. Ей нужна нормальная пища и место для отдыха, в котором тепло и безопасно.

– Я не знаю... – закусываю губу, обдумывая предложение женщины.

Смотрю на её приятное лицо и открытую улыбку, чувствуя только положительный отклик внутри, а когда она улыбается, хочется ответить взаимностью.

– Соглашайтесь, Лена, – убеждает. – Вероятно, иного шанса вам не предоставят.

Несколько секунд сомнений, разъедающих подобно серной кислоте, и я киваю.

– Гриша! – окликает мужчину в пальто. – Помоги, пожалуйста.

Гриша подходит и оказывается невероятно высоким и широкоплечим. Он в два, а то и в три раза больше меня, и приходится сильно задрать голову, чтобы рассмотреть волевое лицо с крупными чертами. Молча берёт сумки – все сразу, и кажется, для него ноша не имеет никакого веса. Перехватываю Тасю, уложив на плечо, и иду следом за моими новыми знакомыми. На стоянке за вокзалом передо мной открывают дверь большого джипа, приглашая сесть. Гриша берёт у меня дочь и, дождавшись, когда я устроюсь на заднем сиденье, осторожно передаёт мне.

Пассажиры впереди беседуют о чём-то своём, пока мы едем по трассе, покидая город. Мерное покачивание убаюкивает, и я, поддавшись усталости, проваливаюсь в дрему, сквозь которую слышу обрывки фраз:

– Зря ты это сделала, Петровна. – Мужской голос звучит с укором.

– Я зашиваюсь одна, Гриша. Сколько на собеседование приходило? Много. Безрукие, а на хозяина косятся в надежде пристроиться потеплее. А эта работающая, сразу видно.

– Парето нам голову снесёт. Досконально всех проверяет сам. Одно мутное пятно, и всё – свободен.

– Скажешь, это моя инициатива, ты не в курсе. Сказала везти – повёз. Всё. А там пусть его хоть разорвёт от негодования, если Аронов одобрит, перечить не станет.

Разговор продолжается, но собеседники переходят на шёпот, уловив моё движение. Не знаю, сколько мы едем, но в какой-то момент меня ощутимо толкают в плечо и показывают, что нужно выйти.

Спросонья осматриваюсь вокруг: огромный дом в несколько этажей кажется бесконечным; много ёлок, припорошённых снегом и скрытых высоким каменным забором; несколько одноэтажных строений рядом, в окнах которых горит свет; территория подсвечена фонарями и настенными светильниками. Иду за Ларисой Петровной по извилистой дорожке, улавливая обстановку вокруг. Заходим в дом и движемся по длинному коридору, пока женщина не останавливается у одной из дверей. Быстро находит ключ и открывает, включая свет.

– Комната небольшая, но уютная. Кровать, телевизор, шкаф, там ванная, – отворяет боковую дверь, позволив мне заглянуть. За спиной появляется Гриша, оставляя вещи у двери, и сразу уходит. – Всё необходимое имеется. Скромно, конечно...

– Нет-нет, всё отлично! – прерываю её, даю понять, что это намного больше, чем я могла рассчитывать. – Спасибо вам! Огромное спасибо!

– Отдыхай. Завтра всё обсудим на свежую голову. Спокойной ночи.

– И вам.

Как только закрывается дверь, раздеваю Тасю и полусон-

ную ташу в душ, чтобы смыть последние два дня на вокзале. Стоит с закрытыми глазами, пока я мою голову и маленькое тело душистым гелем. Закутываю в полотенце и укладываю в кровать, купаюсь сама и ныряю к ней под одеяло, крепко обняв.

Я не знаю, где оказалась, кому принадлежит этот дом и что с нами будет завтра, но сейчас, на хрустящих от чистоты простынях и в объятиях своего ребёнка, меня обволакивает чувство тотальной безопасности, которое я не испытывала долгое время. Мысли лениво ворочаются, отказываясь двигаться в нужном направлении, и я засыпаю, чтобы начать утро в новой жизни.

Глава 4

С трудом разлепив глаза, осматриваю непривычное помещение, которое кажется совсем иным при дневном свете. Приятная комната, светлая, ничего лишнего, и в то же время всё необходимое имеется. Спихватившись, соскакиваю с постели, стараясь не потревожить Тасю, которая сладко посапывает, свернувшись клубочком.

Лариса Петровна не сказала, во сколько и куда подойти, дав мне возможность отдышаться после двух дней на вокзале, но злоупотреблять своим положением не стоит, потому что сюда меня привезли работать. Тихо одеваюсь и ныряю за дверь, оставив дочку досматривать сны.

Длинный коридор, окутанный полумраком, усеян многочисленными дверями, за которыми, вероятно, скрывается своя история. Резные и тяжёлые, они создают своеобразную атмосферу таинственности. Нестерпимо хочется заглянуть за каждую, но сейчас я просто иду прямо в надежде найти хоть кого-нибудь живого. Не слышно голосов и звуков, лишь мои шаги разносятся эхом в пространстве. Понимаю, что в конце коридора развилка, и спешу, чтобы выбрать направление, но чья-то рука неожиданно хватается меня за локоть и, резко развернув, прижимает к стене.

Негромко вскрикиваю от неожиданности, а затем ещё раз, когда вижу перед собой лицо мужчины, изуродованное глу-

боким шрамом. Затаив дыхание, неотрывно смотрю в глаза, которые имеют необыкновенный цвет насыщенной синевы. Невероятные и необычные настолько, что хочется произнести «вау». Брюнет намного выше меня, и я даже приподнимаюсь на носочки, чтобы оказаться наравне с его лицом: волевым, напряжённым, с играющими желваками; короткая аккуратная борода, полные губы и прямой нос. Шрам, пересекающий правую сторону лица от виска до подбородка, подчёркивает устрашающий вид в сумме с бешеной аурой и жёсткой хваткой на моём локте. Увиденное не приводит в ужас, наоборот, притягивает, подчиняет, завлекает, и, несмотря на все составляющие, которые в любом другом случае оттолкнули бы от подобного человека, не могу отвести глаза, с придыханием рассматривая его.

– Тебя Петровна ночью привезла? – Низкий голос шелестит приятной хрипотцой.

– Да, – делаю усилие, чтобы выдать два звука. – Меня зовут Лена.

– Гриша паспорт проверял?

Отрицательно верчу головой, вспоминая, что, кроме полицейских, документы никто не спрашивал, а Лариса Петровна поверила на слово, когда предложила работу.

– Паспорт, – требовательно, жёстко. Это не просьба – приказ.

– В комнате, – киваю туда, откуда пришла.

Убирает ладонь и делает шаг назад, показывая, что нужно

вернуться и дать ему документ. Сейчас иного не предусмотрено. Иду, чувствуя его взгляд между лопаток, и слышу тяжёлые шаги, в эхе которых тонут мои. Почти дойдя до комнаты, обгоняет меня и рывком отворяет дверь, застыв на входе. Неожиданность в виде Таси, сидящей на кровати и потирающей заспанные глаза, на миг обездвиживает мужчину, и на лице просматривается едва заметная растерянность. Ему сказали обо мне, но не о ребёнке, вероятно.

– Здравствуйте, я Таисия, – дочка подходит к нему, остановившись в шаге.

– Константин Сергеевич.

– Приятно познакомиться, Константин Сергеевич, – протягивает маленькую ладошку, и я удивлена несвойственному для дочери поведению.

Как правило, она недоверчиво относится к новым людям, особенно мужчинам, к которым внимательно присматривается после посещения нашей квартиры друзей папы. Несколько секунд мужчина раздумывает, но всё же пожимает кончики пальцев Таси, скрепив знакомство.

– Вот, – протягиваю документы, – паспорт, свидетельство о рождении, браке, ИНН, – перечисляю.

– Давай всё. И телефон.

– Он разбился два дня назад, когда выпал из сумки, – протягиваю аппарат, крутит в ладони, рассматривая. – Другого у меня нет.

– Идём, – показывает на дверь.

Усаживаю дочку на кровать, укутав одеялом, и включаю телевизор.

– Тася, посиди здесь тихонько, ладно? Никуда не выходи, а то потеряешься в незнакомом месте. Я схожу к Ларисе Петровне, а потом вернусь к тебе. Жди меня.

– Я поняла, мам. Жду, – соглашается ребёнок и переключает каналы в поисках мультиков.

Выхожу и следую за Константином Сергеевичем, рассматривая фигуру мужчины в костюме угольного цвета. Его шаги, размашистые, гулкие и уверенные, ведут меня к той самой развилке, до которой я не добралась. Сворачиваем налево, поднимаемся по нескольким ступенькам и оказываемся в светлом коридорчике, из которого слышатся голоса.

– Доброе утро, Лена, – как только попадаем на огромную кухню, меня приветствует Лариса Петровна.

– Доброе утро.

– И вам, Константин Сергеевич.

Мужчина молча занимает стул, и перед ним оказывается тарелка с десертом и кружка кофе. Петровна подхватывает меня и тащит к выходу на другой стороне, закрывая за собой дверь.

– Он всегда завтракает в одиночестве. В этот момент находиться рядом, разговаривать и отвлекать нельзя.

– Поняла, – уверенно киваю.

– Итак, – Петровна направляется вперёд, – кухню ты видела. Здесь у нас склад с продуктами, – открывает дверь, –

здесь бельевая и прачечная, тут моя комната, затем комната горничных. Они в доме не живут, приезжают раз в неделю и делают уборку. Работники по найму. Далее кладовая со всякими принадлежностями.

– А там? – указываю на массивную дверь в конце.

– Это выход в дом, там уже территория хозяина.

– А кто хозяин?

– Аронов Альберт Витальевич. Слышала о таком?

– Нет. Я телевизор редко смотрела, много работала, некогда было.

Умалчиваю, что телевизор, микроволновку и холодильник Рома продал в первую очередь, когда возникла потребность в деньгах на алкоголь. Я просто приходила с работы и недосчитывалась очередной техники.

– Бывший депутат. Сейчас общественный деятель, меценат, имеющий несколько благотворительных фондов и прибыльный бизнес в некоторых городах страны. Влиятельный и богатый человек.

– А кто Константин Сергеевич?

– Он...

Неожиданно дверь кухни отворяется, и мужчина проходит мимо нас, не удостоив взгляда. Петровна кивает, даёт понять, что мы можем вернуться.

– Так кто?

– Не хотела я, чтобы он был первым, с кем ты столкнёшься в этом доме, но если так случилось... Не понравилось, –

вздыхая, указывает на тарелку с оставшимся десертом и почти полную кружку кофе. – Каждое утро в семь тридцать он приходит на кухню и завтракает в полном одиночестве панна-коттой фламбе с цельной вишней и кофе по-турецки. Я ещё ни разу не видела пустой посуды. С наслаждением он ел только то, что готовил Рудольфо...

– Рудольфо? – Много действующих лиц, и пока я ничего ни о ком не узнала. – Расскажите о Константине Сергеевиче.

Прежде чем приступить к рассказу, Петровна наливает кофе и выставляет передо мной ароматные булочки, на запах которых мой желудок реагирует звонкой трелью. Я не ела больше двух дней и сейчас боюсь накинуться на пищу и опустошить тарелку за пару минут. Нужно покормить Тасю, но только тогда, когда мне это будет позволено. В противном случае отнести завтрак в комнату.

– Это человек, которого нужно обходить десятой дорогой, максимально ограничить контакты и не попадаться на глаза. Островский Константин Сергеевич – начальник службы безопасности, правая рука Аронова и его друг. Три в одном, и по этой причине в доме главный скорее он, чем сам владелец. Жёсткий, принципиальный, несгибаемый. Провинишься – уверяю, проступок будет записан и учтён, а наказание непременно последует. – Сглатываю, прикидывая, каким может быть это самое наказание. – Не спорь, не доказывай, не повышай голос – слушай и выполняй. Называть исключительно по имени-отчеству, в глаза не смотреть.

– Ох, а я так его внимательно рассматривала...

– Согласна – страшный.

– Не страшный. Пугает, но не внешне, к шраму на лице это никак не относится. Я говорю скорее о той силе, что исходит от него, – молчаливой, парализующей, перепрошивающей под себя.

– Мне кажется или я слышу в твоём голосе восхищение? – Петровна удивлена настолько, что кружка застывает в неоконченном движении, пока я формулирую ответ.

– Я никогда не встречала таких мужчин, наверное, именно поэтому он производит на меня подобное впечатление.

– В любом случае держись от него подальше, – тычет в меня пальцем Петровна, недовольно нахмурившись. – Знакомство с ним приятным назвать нельзя.

– А сколько вы его знаете?

– Я здесь пять лет, пришла сразу после того... Тебе это знать не стоит, но Парето уже был таким.

– Парето? – В памяти всплывает беседа в машине, когда Петровна и Гриша произносили незнакомое для меня слово.

– Прозвище Островского. Не знаю, откуда взялось, но за глаза его называют именно так.

– А Рудольфо? Кто такой?

– Несколько лет работал здесь, личный повар Аронова. Альберт Витальевич обожает всевозможные десерты, а Рудольфо был восхитительным кондитером, – закрывает глаза и растягивается в улыбке. – А какой торт «Захер» делал

– закачаешься, просто невероятный, любимое лакомство хозяина.

– Был? Он умер? – предполагаю, что, скорее всего, Рудольфо провинился перед Островским, именно по этой причине сейчас отсутствует.

– Сплюнь! – фыркает. – Всё с ним в порядке. Просто в какой-то момент Рудольфо очень активно стал оказывать знаки внимания охранникам, а затем совершил непоправимую ошибку, когда выразил симпатию Парето.

– Стоп, Рудольфо же мужчина? Я правильно поняла?

– В том-то и дело, Леночка, что мужчина. Парни здесь работают серьёзные, жёсткие, многие являются бывшими военными, а тут мужик глазки строит. Реакцию представила?

– Представила, – сглатываю, прикидывая, что, например, к Грише мужчина клеится.

– То-то и оно. Избили его мальчишки сильно за его намёки, потом ещё раз, и Островский убедил Аронова избавиться от Рудольфо. Договор с ним расторгли, и я осталась одна. Летом, когда приезжают дети Аронова и постоянно проходят приёмы, набираю дополнительный персонал, а зимой на мне хозяин и охрана.

– У Аронова что, нет семьи?

– Есть дети. Сын в Англии живёт, а дочка здесь в художественной академии учится. Лиля её зовут. Приятная девочка, учтивая, спокойная. Но приезжает редко и только по делу. Жена Альберта Витальевича умерла, повторно не же-

нился, но есть Виктория, с которой у них продолжительные отношения, гостевые, так сказать.

– А почему он не женится?

– Не знаю. Я таких вопросов не задаю, и ты не вздумай. С хозяином беседы только по его вызову, никакой инициативы по собственному желанию.

– Поняла. Только когда позовут.

– Именно. Умная девочка.

– Лариса Петровна, а можно я Тасю покормлю? – решаюсь спросить, потому что прошло уже больше часа, и я начинаю переживать, что мой ребёнок отправится на экскурсию по дому в одиночестве.

– Жди. Аронов к себе должен пригласить. Как только вопрос с тобой решится, приведёшь дочку и покормишь здесь.

Согласно киваю, потому что в данный момент не в том положении, которое позволяет идти наперекор установленным здесь порядкам. Лариса Петровна делает краткую экскурсию по кухне, открывая шкафы и показывая, что и где находится. Рабочая зона посреди пространства поражает своей наполненностью и функциональностью, вызывая восхищение и возрождая желание приступить к готовке. Но моё рвение заканчивается в тот самый момент, когда один из охранников заходит к нам и говорит, что меня ждёт Аронов.

Иду за ним, преодолевая коридор, который уже показывала Петровна, и выходя в ту самую дверь, что ведёт в основную часть дома. Как только пересекаем разделённое про-

странство, застываю от восхищения в огромном холле с блестящим мраморным полом. Две лестницы, украшенные витиеватой ковкой, ведут наверх и сливаются воедино на втором этаже, образуя полукруглую площадку. На стенах огромные полотна, а холл скромно уставлен банкетками и напольными вазами. Я так и не поняла вчера, сколько здесь этажей, но особняк огромен.

– Не отставай, – окликает охранник, и я срываюсь с места, чтобы догнать его.

Пересекаем холл, поворачиваем и оказываемся перед двустворчатой дверью. Дважды стучит и открывает, пропуская меня перед собой.

Взгляд сразу устремляется на мужчину лет пятидесяти с приятной внешностью, солидной сединой и родинкой на переносице. Неосознанно замечаю край неровного шрама, выступающего из-под воротничка рубашки, на которой растёгнуты две верхние пуговицы. Отсутствие галстука придаёт ему домашний вид.

– Добрый день. Вы уже знаете, кто я?

– Да, – отвечаю несмело, – Альберт Витальевич.

– Правильно. А вы Лена.

– А если быть точным, Орлова Елена Родионовна, двадцать шесть лет. – Знакомый голос заставляет повернуть голову и увидеть в глубине кабинета Островского. Не смотрит на меня, демонстративно листая мой паспорт. – Муж – Орлов Роман Васильевич. Прописка местная.

– Лариса Петровна вкратце познакомила меня с вашей историей. Какое-то тотальное невезение, хочу вам сказать, – ухмыляется, вероятно не понимая, как такое количество событий могло произойти в жизни одного человека за неделю. – Сейчас ей непросто. Помощница, которая работала здесь последние два года, вышла замуж. Новую пока не нашли, да и Рудольфо у нас теперь нет. – В этот момент впивается взглядом в Парето с едва уловимым укором, но быстро переключается на меня. – Петровна сказала, вы можете нас порадовать десертами?

– Могу.

– Завтра у меня небольшой приём. Двенадцать человек, все свои, привычные. На вас десерт, справитесь?

– А что именно требуется от меня?

– А что вы умеете?

– Всё, – уверенно заявляю, и тут же приходится поёжиться от неприятного взгляда Островского.

– Лариса Петровна предоставит вам список, что требуется. Ваша задача – справиться к назначенному времени. Наличие необходимых ингредиентов не моя забота.

– Понятно. А что со мной, Альберт Витальевич? Я здесь останусь? – спрашиваю, не желая мучиться от неизвестности.

– Вот завтра и посмотрим, подходите ли вы нам или нет.

– Я очень постараюсь. Спасибо вам.

Застываю на месте, не зная, можно ли уходить, но Аронов

кивком даёт понять, что я могу вернуться на кухню. Покидаю кабинет, но, оказавшись без надсмотрщика, позволяю себе задержаться в холле, чтобы осмотреться и восхититься богатой обстановкой. Никогда не была в таких домах, и сейчас, подобно своей дочери в огромном магазине игрушек, с открытым ртом всматриваюсь в интерьер.

– Боже, какая красота... – не могу сдержать судорожный вздох.

– Нравится? – Подпрыгиваю на месте, узнав голос Островского.

– Очень! – не скрывая восхищения, говорю как есть.

– С какой целью ты здесь? – подходит вплотную. – Бедная девочка желает сытой жизни? Приглянулся тебе Аронов?

– Нет... – ошарашенно смотрю на мужчину, но затем вспоминаю, что Петровна советовала не поднимать глаза, и мгновенно опускаю голову. Но он касается моего подбородка и тянет вверх, чтобы уловить любую, даже мизерную ложь. – Я просто хочу работать и иметь возможность кормить своего ребёнка.

– Хочешь сказать, если тебе предложат остаться в этом доме и назначат фиксированную оплату, согласишься?

– Да.

– Жить у чужих людей, исполнять приказы и получать копейки?

– Для меня этого достаточно.

– Людям не бывает достаточно, – рявкает. – Жадность че-

ловеческая безмерна. Получив желаемое, они стремятся к большему, увеличивая аппетиты до тех пор, пока не нажрут-ся до тошноты. Но, как правило, насыщение приходит одновременно с отбытием в мир иной. Никак иначе.

– Мне кажется, вы просто встречали мало хороших людей. – Слова вылетают из моего рта прежде, чем я успеваю запретить их себе говорить этому опасному человеку.

На удивление то, что должно было вызвать негодование, порождает улыбку, но она мало походит на приветливую.

– Смелость часто приводит к фатальным последствиям. Меньше говори, больше работай и выполняй приказы. Поняла?

– Да.

– Свободна.

Едва не падаю, когда спешу отступить на несколько шагов назад, чтобы отдалиться от Островского. Он с наслаждением наблюдает за моей растерянностью, но больше не говорит ни слова.

– Ты что, чудовище увидела? – Петровна смотрит с ожиданием.

– Почти. Парето.

– Этот может, – недовольно кривит губы. – Мне кажется, он получает наслаждение, когда видит страх на лицах других людей, ещё больше удовлетворяется, когда этот страх вызывает он сам.

– Он всегда такой? – подхожу к раковине и, набрав в ла-

дони воды, ополаскиваю лицо, чтобы прийти в себя после встречи с Ароновым и Островским.

– Обычно спокойнее, но последние события сделали его нервным.

– Какие?

– Примерно неделю назад на Аронова было совершено покушение. Он сам не пострадал, но погиб охранник Илья Овсянников. Хороший был человек... – вздыхает Петровна, смахивая слезу. – Нападавшего не поймали, теперь Островский винит себя. Что-то упустил и позволил подобраться близко к хозяину. В такие моменты он слетает с катушек.

– И часто? Ну, слетает с катушек?

– Нет. Исключительно после таких инцидентов. Ещё неделю будет срываться на всех. Не обращай внимания. Просто не провоцируй.

– Поняла. Молчать и делать, – развожу руками.

– Что хозяин сказал? Оставит тебя?

– Всё решит завтрашний ужин, к которому мне нужно приготовить то, что вы скажете. Только после него Аронов сделает выводы и примет решение.

– Ой, точно, – подсказывает на месте и срывается, чтобы через пару минут вернуться со списком в руках. – Вот. Прсмотри.

Бегаю по строчкам, изучая пристрастия хозяина, и довольно киваю:

– Всё выполнимо. «Захер» – самое простое из всего пе-

речня.

– Лен, ты постарайся. Мне помощница нужна – толковая, с руками из правильного места.

– Я обещаю. А что делать сегодня?

– Первое: приведи Тасю. Ребёнка необходимо накормить. Совсем худенькая она у тебя. Второе: плюс ко всему на мне питание охранников, поэтому поможешь. Здесь принято работать. Третье: сейчас выдам форму. Если останешься, всегда быть в ней.

Киваю, спешу за дочкой, которая валяется на кровати и с удовольствием смотрит мультик про какую-то фею. Спокойная, расслабленная, широко улыбается и звонко смеётся, когда я поднимаю её на руки, чтобы закружить. Впереди лишь неизвестность, но уже сейчас, стоя в этой маленькой комнате чужого дома, понимаю – у нас начинается другая жизнь.

Глава 5

– Лен, у тебя всё готово? – Петровна нервничает, словно впервые готовит для гостей Аронова.

– Практически, – осторожно катаю творожные сладкие шарики в ореховой крошке, чтобы выложить на блюдо. – Но до десерта ещё далеко. Все съехались лишь час назад.

Целый день крутилась на кухне, занимаясь любимым делом и получая наслаждение от аромата фруктов, свежей выпечки и шоколада. Подготовка превращается в невероятно приятное занятие при условии, что все ингредиенты появляются по щелчку пальцев.

– Как вы оказались здесь? – спрашиваю женщину между делом.

– Дальняя родственница работает в соседнем доме много лет, и когда повар Аронова ушёл по семейным обстоятельствам, она предложила мою кандидатуру. Длительное время я работала в ресторане, стало тяжело в силу возраста, ушла на пенсию. Муж умер, остались дочь и двое внуков. Кстати, я как раз возвращалась от них, когда встретила тебя на вокзале. Затем незаметно для себя пришлось отвечать в этом доме за всё. Стало совсем просто, когда дети Альберта Витальевича уехали учиться и он остался один. Нерегулярные приезды Виктории не в счёт. Зимой у нас тихо и спокойно, движение начинается в марте, когда Аронов, как человек медий-

ный, устраивает приёмы, нацеленные на привлечение инвестиций, дотаций и так далее. Но в таких случаях нанимаю людей, которые обслуживают банкеты.

– Девочки, десерт, – врывается молодой парнишка, который, как пояснила Петровна, обслуживает ужин и получает почасовую оплату.

– Уже? – удивляюсь.

– Сказали нести, – равнодушно пожимает плечами, а в глазах парня читается разочарование: его оплата зависит от того количества времени, которое гости проведут за столом.

– Так, мусс, чизкейк, капирина, граните, вагаси, данго, «Захер» обязательно, –ставляю торт, считывая улыбку Петровны, – микадо и лазанья из манго и клубники.

Парень какает слюной на всё представленное великолепие и берёт блюда, чтобы покинуть кухню.

– А что за лазанья?

– В списке был пункт «блюдо повара», я приготовила это. Лёгкий и в то же время сытный десерт с йогуртом.

Расставшись с приготовленными сладостями, остаюсь с Петровной в ожидании. Завариваем чай, и, пока он остывает, успеваю сбегать в комнату, чтобы проверить Тасю. Ей скучно в одиночестве, но она, к моему счастью, прекрасно понимает, что в данный момент нам необходимо вести себя тихо, а отсутствие вечно пьяного папы автоматически делает жизнь ребёнка безопаснее.

– Ещё эта чёртова панна-котта, – слышу бурчание Петров-

ны, которая гремит посудой на кухне. – И снова напрасно. Всё равно не понравится.

– Давайте я, – предлагаю, пока не зная, как отреагирует женщина на мою инициативу. – Если можно.

– Пожалуйста, Леночка, – складывает ладони и смотрит умоляющим взглядом. – Сил нет ещё с этим возиться.

Принимаюсь за десерт, смешивая составляющие, разливаю по формочкам три порции и ставлю в холодильник.

– Соус из фруктов сделаю утром, иначе он будет не таким вкусным.

– Встанешь из-за этого так рано?

– Ему же всё равно кофе варить.

– Забыла, – ругается женщина, которая, видимо, поднимается раньше только по вине Островского.

Болтаем, обсуждая гостей, которые сегодня собрались. Оказывается, у Аронова довольно обширный список знакомых всех мастей ещё со времён депутатства, а как только его деятельность утекла в другое русло, их стало в несколько раз больше. Не совсем понимаю, по какой причине на него было организовано покушение, но Лариса Петровна объясняет, что общественная деятельность мужчины нравится не всем. Не вдаюсь в подробности, мало разбираясь в социальном вопросе, потому что последние пару лет телевизор не смотрела и в лицо известных людей не знаю.

– Добрый вечер! – Перед нами появляется тучный высокий мужчина в розовой рубашке с платком на шее. – Вы Еле-

на?

– Да, – поднимаюсь, разглаживая ладонями подол, который примялся.

– Я Шаган Филипп Эдгарович, владелец сети кондитерских «Ванилла». Ваша лазанья из манго и клубники с прослойкой из йогурта восхитительна! – хватает мою ладонь и оставляет на тыльной стороне поцелуя. – Очень вкусно!

– А? Ага... – растерянно принимаю комплименты, больше опасаясь Островского, который вырос, словно из-под земли, за спиной Шагана.

– Зачем вам трудиться на кухне в этом доме? Вы можете работать у меня, Леночка! Оплата достойная, условия великолепные, и владелец, то есть я, относится к сотрудникам как к самому ценному и хрупкому.

– Я... я... – перевожу взгляд с Парето на Петровну – оба недовольны происходящим. – Я не могу. Хочу работать здесь.

– Вы уверены? – поджимает губы и сопит, разочарованный моей реакцией на такое щедрое предложение себя и своего дела.

– Полностью.

– Что ж, ладно. Но если вдруг передумаете, вот моя визитка, – протягивает карточку, подмигивая, и покидает кухню под пристальным взглядом Константина Сергеевича.

– Я уж подумала, что согласишься.

– Я пока не готова работать с большим количеством лю-

дей. Мне нужно время отдышаться, собраться с мыслями и понять, по какому принципу выстраивать наше с Тасей будущее.

Ответ полностью удовлетворяет Петровну, хотя я намеренно скрыла от неё самое важное: после продажи квартиры новые жильцы меня обязательно выпишут, а работник без прописки является проблемой. И пока я не придумала, что делать, нужно оставаться в этом доме. Сюда не придут органы опеки, чтобы спросить, почему вдруг дочь исчезла из сада, или Армен, который меня домогался. Закрытая территория, вход на которую контролируется охраной. В данный момент именно здесь я себя чувствую в безопасности.

– Вот и правильно, – поддакивает Петровна. – Судя по реакции Филиппа, Аронов предоставит тебе работу и позволит остаться. Сумму оплаты обговоришь с ним, у каждого индивидуальная. А теперь отдыхать. – Женщина указывает на дверь, которая ведёт в мой коридор. – Я закончу, а ты завтра раньше встанешь, чтобы приготовить завтрак Островскому.

– Спокойной ночи, – бегу по коридору, радуясь, что мне позволят остаться в этом доме, чтобы попробовать возродить из пепла свою уничтоженную жизнь.

– Доброе утро.

Оборачиваюсь на звук женского голоса и вижу перед собой красивую высокую блондинку за тридцать в ярко-алом халате.

– Здравствуйте. Я могу помочь?

– Вы новенькая? – Киваю. – Я Виктория, девушка Альберта.

– Простите, я вас ни разу не видела. Не знала...

– Как правило, я не завтракаю в этом доме, – опускает глаза, растерянно рассматривая помещение. – Не осталось, случайно, вчерашних десертов?

– Увы... Но у меня есть панна-котта, – указываю на формочки, заботливо выставленные на столе. Маленькая хитрость: если панна-котте дать настояться при комнатной температуре около часа, вкус раскрывается, а консистенция становится мягкой и нежной. – Соус на ваш выбор.

– Клубничный. – Женщина довольно улыбается, занимая место на высоком стуле у рабочей зоны. – И можно кофе по-венски?

Десерт для Островского готов, соус с цельными вишнями и кофе в кружке на столе, и, если я верно оценила этого человека, он никогда не опаздывает. И точно, как только стрелка часов оказывается на тридцати, слышатся шаги, и появляется Константин Сергеевич, занимая привычное место.

– Доброе утро, – приветствую мужчину, удостоившись лишь сухого кивка.

Я ему не нравлюсь, о чём свидетельствует предвзятое отношение и ярко выраженное недовольство на лице.

– Думал, ты уже уехала, – обращается к Виктории, пока та уминает десерт. – Обычно не задерживаешься.

– Не сегодня. Хотела насладиться десертом, который подавали вчера, но увы, получила лишь панна-котту, которая, кстати, невероятно вкусная, – тепло улыбается, указывая на меня ложечкой. – Вы волшебница, Лена!

– Спасибо, – улыбаюсь, но тут же опускаю глаза, когда Островский одёргивает шипением.

– Вон там, – Виктория привстаёт, чтобы увидеть стол напротив, – я вижу ещё одну порцию. Можно мне?

– Нельзя, – реакция мужчины незамедлительная, – это моя.

– Вы уже съели свою! – Виктория повышает голос, пытается переубедить Парето, выторговав последнюю порцию. – Поделитесь с другими, Константин Сергеевич.

– В этом доме панна-котту готовят только для меня, – отвечает спокойно, но убедительно, и женщина не решается продолжить спор. – И ещё кофе.

Оформляю вторую порцию, варю кофе и ставлю перед Островским.

– Спасибо, Лена. Это было невероятно вкусно, – расхваливает меня Виктория, не обращая внимания на острые взгляды Островского.

– Очень рада, что вам понравилось.

Виктория покидает кухню, а я, оставшись один на один с Парето, сразу ощущаю напряжение, которое расплзается в пространстве.

– Приятного аппетита. Я вас оставляю.

Делаю шаг, но меня тут же останавливает властное:

– Сядь.

Нырять в карман и достаёт плоскую коробочку, подталкивая ко мне по столу.

– Новый телефон. Номер твой, не знаю, сохранились ли контакты.

– Но я не просила...

– Это не подарок, а необходимость. Твоё мнение не учитывается. У каждого работника должен быть телефон, чтобы с ним можно было связаться при необходимости.

– Я даже пока не знаю, останусь ли здесь.

– Останешься, – произносит решительно, будто моё присутствие в этом доме зависит исключительно от желания Константина Сергеевича.

– Я верну вам деньги, – поднимаю коробочку со стола.

– Обязательно. Отработаешь.

Нервно сглатываю, сталкиваясь с ужасающей синевой, поглощающей мою волю и проникающей под кожу. И чтобы разорвать опасный контакт, вскакиваю, убирая грязную посуду после завтрака Виктории. Отворачиваюсь к мойке, занимая себя делом и стараясь не думать о присутствии Островского, а когда почти отвлекаюсь, он подходит сзади и, прижавшись к моей спине, кладёт тарелку в раковину. Секундное прикосновение, но меня прошибает насквозь тысячью зарядов, заставляя дёрнуться в сторону. Даже стоя к нему спиной, я слышу, как он улыбается, упиваясь тем эф-

фектом, что производит на меня.

– Спасибо за завтрак.

– Вам понравилось? – замираю с тарелкой в руках и почти не дышу.

– Нет.

Звук удаляющихся шагов и щелчок двери позволяют расслабиться, облокотившись на раковину. После каждого разговора с Парето я проживаю микроинсульт, который отдаётся тревожностью и непонятным желанием повторения.

– Доброе утро! – Петровна появляется настолько неожиданно, что я подскакиваю на месте, а тарелка выскальзывает из рук, разлетаясь по плитке множеством осколков. – Ты чего, Лен?

– Островский только что вышел. Думала, вернулся.

Сметаю остатки посуды, пока Лариса Петровна осматривает стол.

– Завтракал?

– Вы видели когда-нибудь, как люди готовы сойтись в схватке за панна-котту?

– Нет, – удивлённо смотрит, ожидая продолжения.

– А я почти, – смеюсь. – Виктория и Константин Сергеевич едва не схлестнулись в ожесточённой битве, выясняя, кому из них достанется добавка.

– Победил Островский?

– Есть сомнения?

Взрываемся хохотом, загибаясь посреди кухни. Уверена,

Петровна жалеет, что пропустила такое представление, когда выбрала лишние полчаса сна.

– Стоп. Он две порции съел?

– И два кофе выпил.

Женщина замолкает, хмурится, но затем улыбается и берёт меня за руку.

– Леночка, я официально передаю тебе право ежедневно готовить панна-котту для Островского. Пост сдал – пост принял.

– Но... – Попытка возразить пресекается цоканьем.

– Мою он всё равно не ест, да и кофе не пьёт. На моей памяти, он даже у Рудольфо не просил добавки, довольствуясь одной порцией.

– Думаю, здесь свою роль сыграл соревновательный момент. Островский съел вторую порцию исключительно назло Виктории. Она ему не нравится?

– Я тебе больше скажу – ему никто не нравится. Он из той категории людей, которые себя-то раз в год любят. Что говорить об остальных?

– А Константин Сергеевич женат был?

– Вдовец. Подробности не знаю.

Неожиданно и страшно осознавать, что когда-то этот человек был женат и пережил большое горе. Значит, он способен привлечь женщину, построить отношения и заботится о ком-то? Чем дольше смотрю на него, тем больше берут сомнения, что Островский способен быть другим.

– А лет ему сколько?

– Сорок исполнилось первого января. Но мы не поздравляли, ненавидит праздники – любые. Я в курсе его возраста лишь по причине того, что недавно справляли Альберту Витальевичу юбилей, а он на пятнадцать лет старше Островского. Ты много им интересуешься, – с укоризной произносит Петровна.

– Просто мне интересно, как он стал... таким. Холодным, недружелюбным, чёрствым к себе и окружению.

– У всех своя история, но отчего-то каждый человек уверен, что несчастливее, чем он сам, вокруг быть никого не может. Кому-то необходимо рассказать свою историю миру, чтобы получить долгожданное сострадание или же примитивную жалость, а кому-то достаточно самого себя. Парето относится ко вторым.

– Может, ему просто некому выговориться?

– Может, – ставит передо мной кружку и усаживается напротив, чтобы приступить к завтраку. – Но мы об этом никогда не узнаем.

Через двадцать минут ворота откатываются, и несколько машин покидает территорию дома. Как поясняет Петровна, Аронов уехал по делам в город в сопровождении Островского и до вечера не вернётся. Готовим обед, попутно обговаривая вопросы, которые мне ещё неизвестны. Альберт Витальевич не огласил решение касательно меня, но поведение Островского и новый телефон, который он вручил

мне утром, говорят сами за себя. Кормлю Тасю и вывожу на улицу, чтобы прогуляться по территории под пристальными взглядами охраны. Дочка засиделась в четырёх стенах, имея из развлечений лишь телевизор, и по-хорошему ей необходимо общение с другими детьми, но возможности отдать её в сад на данный момент нет.

Обходим дом, замечая позади несколько одноэтажных одинаковых строений, стоящих плотно друг к другу. Не знаю, для какой цели они предназначены, но мне кажется, здания вполне обжиты. На небольшой площадке стоят массивные садовые качели с крышей, куда тут же радостно взбирается Тася и устраивается на мягкой подстилке. Вокруг множество невысоких ёлочек, расположившихся вдоль дорожек, которые покрыты мелким снежком. Свежий воздух – тихо и спокойно.

Дёргаюсь, услышав незнакомую мелодию, и не сразу понимаю, что звонит телефон в кармане формы. Достала из коробки и включила, оставив дальнейший просмотр на потом, когда Тася уснёт.

Поднимаю трубку, не успеваю сказать и слово, как слышу крик:

– Ленка! Наконец-то! Столько дней звоню! Что случилось? Куда вы пропали? И кто живёт в вашей квартире?

– Валя, привет. – Так рада слышать знакомый голос, что, пока соседка бросает в меня с десятков вопросов, сижу и улыбаюсь, посматривая на Тасю.

Вкратце рассказываю о своих злоключениях, не забывая упомянуть пропажу Ромы, приставания Армена и кражу кошелька.

– Лен, прости, я так не вовремя уехала. Сестра позвонила, у мамы резко здоровье ухудшилось: скорая, больница и несколько дней переживаний, которые закончились благополучно. Телефон сел ещё в поезде, зарядила не сразу.

– Ничего страшного. Ты не обязана, Валь. Кстати, я всё тебе верну до последнего рубля, не переживай.

– Да я вообще не о долге сейчас думаю! Где вы?

Открываю рот, чтобы рассказать, и понимаю, что сама плохо осознаю – а где? Ехали ночью, довольно долго, или же мне дорога показалась длинной из-за усталости. Точно за городом, но в каком направлении, не совсем понятно. А затем прихожу к выводу, что так, вероятно, даже к лучшему.

– Пока не скажу, – произношу уверенно. – Извини, не хочу. Нам с Тасей необходимо понять, как жить дальше в условиях отсутствия жилья и нашего папы. Рому видела?

– Не появлялся. Я даже ему позвонила, – усмехается, – когда утром увидела выходящими из вашей квартиры незнакомых людей, но телефон был выключен. Кстати, дня три назад двое мужчин приходили. Что интересно, искали тебя.

– Меня? – напрягаюсь, предполагая, что Рома куда-то влез. Мне не привыкать отдавать за мужа долги. – Наверное, снова занял денег и благополучно забыл, кому и сколько должен.

– Нет, Лен. Эти на привычных дружков Ромы не похожи. Солидные, серьёзные, тактичные – никакого хамства или нападков. Тебя по имени-отчеству называли, спрашивали, где работаешь, когда приходишь.

– А ты что?

– Сказала, что тебя не видела несколько дней, мужа тоже. Квартиру продали, куда переехали, не в курсе. Они в тот же день к новым жильцам заявили, выясняли, когда ты съехала, и даже договор смотрели, который им хозяин квартиры предъявил. Я в глазок наблюдала, – шепчет, словно страшной тайной делится.

– А дальше?

– Дальше толстый мужик кричать начал, один из тех двоих гаркнул, и сразу тихо стало. Вот так. Знаешь, Лен, они на бандитов похожи...

Господи, куда ввязался Рома? На миг становится страшно, и я прижимаю к себе Тасю, но затем, оглядевшись вокруг, успокаиваюсь: вряд ли кто-то рискнёт пробраться на территорию дома Аронова, да и для начала нужно догадаться, что мы находимся здесь.

– С новыми соседями познакомилась? Кто они?

– Пару дней приезжали, что-то делали, таскали коробки, а после прихода тех двух мужчин уехали и не вернулись. Квартира пустая.

Странно. Хотя если эти люди заполучили недвижимость обманным путём, к примеру опоив Рому и подсунув договор

на подпись, вполне вероятно, что испугались прихода неизвестных людей, которые задавали неудобные вопросы.

– Думаю, позже появятся.

– И что, ты ничего не собираешься делать? Есть завещание, заверенное нотариусом и составленное по закону. Ты же прекрасно понимаешь, что бабушка не могла подписать договор, а значит, это дело рук Ромы.

– А что я сделаю, Валь? Ну вот что? У них есть документы – это раз, выпроваживали меня из квартиры при поддержке полицейских – это два. Сама я юридически не подкована, в законах не разбираюсь, значит, необходимо нанимать адвоката, а на данный момент у меня одна задача – прокормить своего ребёнка и обеспечить условия, похожие на человеческие.

– Ты Роме звонила?

– Звонила. Телефон выключен.

Откровенная ложь меня не коробит, потому что не желаю говорить с человеком, который оставил своего ребёнка на улице, не позаботившись о его благополучии. Я проглочу, перетерплю, но Тася слишком мала, чтобы бороться с жизненными реалиями наравне со взрослыми.

– Мне пора, Валь. За деньги не переживай – всё верну.

– Я знаю. Звони, пожалуйста, хоть иногда.

Прощаюсь с Валец, избавляясь от новостей из прошлой жизни, возвращаться в которую нет никакого желания. Разговор с соседкой всколыхнул осевший осадок и паршивые

воспоминания, от которых я хотела бы избавиться. Не желаю возвращаться к мужу, который давно стал чужим, да и малооплачиваемый труд больше не интересует. Задумавшись о работе, набираю номер менеджера супермаркета, говорю, что пришлось уехать в срочном порядке, и приношу извинения за неудобства. Большого не объясняю, но с радостью получаю информацию, что за последнюю рабочую неделю мне положена выплата, которую могут отправить на карту. Радость оказывается кратковременной, потому как карта была в том самом кошельке, которого нет. Захожу в приложение банка и с огромным удивлением обнаруживаю небольшую сумму на карте, которой, как оказалось, не воспользовались. Заказываю перевыпуск и направляюсь с дочкой в дом.

Аронов возвращается поздно, отказывается от ужина. Делаю панна-котту, поставив формы в холодильник, и собираюсь покинуть кухню, когда помещение заполняет непонятный звук. Петровна снимает со стены белую трубку и слушает, а затем говорит, чтобы я отнесла два чёрных кофе в кабинет хозяина, у которого ко мне есть разговор.

Глава 6

Тихий стук, после которого решаюсь войти в кабинет, где расположились Аронов и Островский. Ненавязчивый запах алкоголя расплзается по помещению, заставляя меня скривиться, что не остаётся незамеченным Парето. После Ромы я остро реагирую на малейшие признаки спиртного, стараясь держаться подальше от захмелевших мужчин. Но сейчас выбора нет по причине обязанностей и приказа хозяина явиться к нему.

– Добрый вечер. Ваш кофе, – выставляю кружки на стол, замечая, что рядом с Ароновым также находится бокал.

– Лена, я принял решение оставить вас в качестве повара, – начинает Альберт Витальевич, но я улавливаю лёгкую улыбку на губах Островского и понимаю, что оказалась права. Называет сумму, которую буду получать каждый месяц, и я готова визжать от радости.

– Это очень много, – склоняю голову, сложив руки на подоле.

– Часть я добавил за возможность утереть нос Шагану.

Мужчины переглядываются, и кабинет наполняется скудным мужским смехом. В этот момент не отрываю взгляда от Островского, который, поймав мой, сводит брови к переносице и становится серьёзным.

– Однозначно, это было самым положительным событием

вчерашнего вечера.

– Согласен, – кивает Аронов, – приятно, когда у тебя есть то, о чём другие только мечтают.

– Да. Приятно. – Произнося это, Константин Сергеевич ползает по мне взглядом, который приводит в замешательство.

Мужчины, словно сговорившись, пристально осматривают меня, а мне хочется провалиться на месте, лишь бы не чувствовать изучающих глаз на своём теле.

– Я могу идти? – нарушаю тишину, кажется отвлекая их от приятного занятия.

– Я ещё не закончил, – останавливает Аронов. – Для начала вы переезжаете.

– Куда? – Я только-только привела себя и Тасю в равновесие, успокоившись сама.

– За особняком есть несколько гостевых домов, видели? – Киваю. – В один из них. Они немного больше, чем ваша комната, и имеют дополнительные удобства, где вам с ребёнком будет комфортнее.

– Спасибо за вашу заботу, но нам достаточно того, что есть.

– Правда? – удивляется Аронов, открыв рот.

– Знаете, как сделать человека счастливым? Заберите у него всё, а через некоторое время верните обратно, ничего не прибавив. Можно сказать, вы вернули мне всё. Но главное, что у меня сейчас есть, – безопасность и уверенность в

завтрашнем дне. Большого не нужно.

Островский окидывает меня странным взглядом, словно удивлён каждому моему слову, ожидая иного. Да, иногда человеку для счастья нужно совсем немного: чистая постель, тишина и счастливая улыбка ребёнка.

– Вы переезжаете. Решено. – Последнее слово за Парето. – А с завтрашнего дня ваша дочь начнёт ходить в частный сад.

– Но...

– Это не обсуждается, – резко и зло выплёвывает каждое слово.

Я делаю попытку спорить с человеком, который возражение не принимает в любой форме, чем лишь нервирую его и настраиваю против себя.

– Гриша будет возить ребёнка в сад и забирать.

– Боюсь, у меня не хватит средств на частный детский садик, – собираюсь с силами и всё же привожу аргумент, как, мне кажется, вполне логичный. – Тася мешать не будет. Вы даже за пределами комнаты её не увидите. Обещаю.

– Дело не в этом, – мягко начинает Аронов, останавливая Островского, который, кажется, уже на грани и готов сорваться на крик. – Ребёнок не может сидеть в четырёх стенах в одиночестве, пока вы выполняете свою работу. В саду она будет с детьми, что предполагает общение и развитие, да и вы будете спокойны.

– Всё верно, Альберт Витальевич, но...

Островский подсакивает и оказывается передо мной, на-

висая:

– Завтра девочка идёт в сад. Что не ясно?

– Всё ясно, – соглашаюсь, не решаясь поднять глаза и встретиться с разъярённым синим взглядом.

– Сразу бы так, – шумно выдыхает, успокаиваясь, а меня знобит от тех эмоций, которые я испытываю рядом с этим жёстким мужчиной. – Жди меня в комнате. Сейчас приду. Будем переезжать.

Покидаю кабинет и бегу в комнату так быстро, как только могу, не желая контактировать с Островским ни сейчас, ни когда-либо ещё. Жду десять минут, полчаса, но он не появляется. Тася спит, а я собираю вещи, стараясь не потревожить хрупкий сон. Дверь резко открывается, являя Парето, но, как только замечает спящую дочку, мгновенно смягчается. Стою посреди комнаты, не решаясь спросить, опасаясь вызвать гнев и без того недовольного мужчины. Молча берёт мои вещи, идёт к выходу, а я хватаю на руки Тасю.

Оказываемся за домом, где сегодня мы с Тасей весело болтали на качелях и рассматривали снег. Отдельный уютный коттедж раза в три больше уже привычной комнаты. Аронов прав, здесь просторно и светло, а места так много, что можно жить вчетвером. Островский ставит сумки возле двери, не переступая порог, и, собираясь уходить, бросает через плечо:

– Она должна быть готова к восьми.

Сразу понимаю, что она – Тася, которая завтра же отпра-

вится в сад, потому что он так решил. Укладываюсь за полночь, прижав к себе дочь, и не могу уснуть, съедаемая мыслями: по какой причине Аронов так обо мне заботится? Любому другому было бы плевать, как сложится жизнь женщины, которая пришла в его дом из ниоткуда, добавив проблем и лишних забот. Как правило, состоятельные люди мало обращают внимания на тех, кто обслуживает их комфортную жизнь, а часто даже не помнят, как их зовут. Но здесь всё иначе: начиная с того, что ко мне обращаются по имени, и заканчивая заботой о моём ребёнке.

Утром успеваю сбегать на кухню и приготовить завтрак Островскому, оставив для него панна-котту и кофе на столе. Собираю Тасю, которая удивлённо рассматривает наше новое жилище, носится как заведённая и с интересом разглядывает вещи.

– А мы теперь всегда здесь жить будем?

– Сейчас да, а дальше не знаю.

– Мам, – шепчет, пока я застёгиваю куртку, присев на корточки, – а давай никогда к папе не возвращаться? Здесь хорошо и нет чужих дядек, которые кричат.

– Если я буду ответственно работать, а Альберт Витальевич будет доволен, то мы останемся здесь.

– А кто это? – хмурит бровки, вспоминая незнакомое имя.

– Ему принадлежит этот дом.

– Я думала, что хозяин Костя.

– Костя? – Меня стремительно охватывает ужасом, когда

я слышу такое милое «Костя» из уст ребёнка. – Тасенька, давай договоримся, – беру её лицо в ладони, фокусируя внимание, – ты никогда не говоришь «Костя», ладно? Только Константин Сергеевич, если хочешь у него что-то спросись.

– А если я скажу Костя, он будет ругаться?

– Да. Очень сильно.

– Ладно, – вздыхает и идёт к выходу, – а мне больше нравится Костя...

Ташу Тасю на площадку перед домом, где стоит несколько машин. Гриша курит, выхаживая по территории, и, видимо, ждёт нас.

– Поехали? – замечает и идёт к машине.

– Гриш, я бы хотела с тобой поехать. Мне бы посмотреть, что за сад и будет ли там хорошо Тасе.

Ещё вчера обдумывала, каким образом увязаться за водителем, чтобы посмотреть на место, куда будут увозить каждый день мою дочь. Мне необходима уверенность, что дочка будет там, где озвучил Островский.

– Парето приказал только её, – кивает на Тасю, которая крутит головой в розовой шапке и внимательно следит за разговором.

– Кто такой Парето, мам?

– Никто, родная. Ты его не знаешь, – подмигиваю Грише, который сразу понимает, что сплеховал, сказав прозвище Островского при ребёнке. Дети подобны губке, которая чаще всего впитывает именно ту информацию, которую ты

желаешь от них скрыть.

Звуки нескольких голосов переключают наше внимание, и из дверей показываются Аронов и Островский. Удивлена и, раскрыв рот, наблюдаю, как Альберт Витальевич медленно идёт к автомобилю, опираясь на палочку. Он заметно хромает на левую ногу, но, кажется, уже достаточно привык к этому, как и мужчины из охраны. Впервые с момента приезда в этот дом я вижу Аронова в полный рост и не могу не смотреть, как тяжело ему даются передвижения. Островский, заметив мой неприкрытый интерес, вопросительно вскидывает бровь, отчего вмиг опускаю глаза.

– Спроси у него сама, – шипит Гриша, не желая попасть под яростный молот начальника.

– Доброе утро, – обращаю внимание на себя. – Константин Сергеевич, можно я сегодня отвезу Тасю с Гришей? Я хочу посмотреть на детский сад.

– Считаешь, он хуже, чем государственный? – прищуривается, поджимая губы и готовясь к нападению. Да почему он так реагирует на каждое моё высказывание?

– Нет, не в этом дело...

– Можно, Лена, – даёт добро Аронов. – Костя, она как мама желает убедиться в безопасности своего ребёнка, и только.

– Мам, а дядя говорит Костя! А мне ты сказала, что нельзя говорить Костя! – Неожиданный комментарий моего ребёнка уносит почву из-под ног. У Островского даже кадык дёр-

гается после двойного «Костя», которое так нравится Тасе.

– Дяде можно, – стараюсь говорить спокойно, но голос предательски дрожит. – А нам нельзя. Никому нельзя.

– Правильно – никому, – подтверждает Островский, опускаясь перед дочкой на корточки. – Но тебе я разрешаю, Тасисия, – и мягко нажимает на кончик её носа пальцем, отчего мой ребёнок весело хохочет.

Его лицо напротив лица дочки, но она не пугается глубокого шрама, наоборот, смотрит с улыбкой.

– Спасибо, Костя, – шепчет и целует Островского в щёку.

Он отшатывается от неожиданности, и впервые я вижу его настолько ошарашенным, будто он не знает, что такое детская благодарность, которой всё равно, как ты выглядишь, важно лишь, что отдаёшь взамен.

– Вам пора, – кивает Грише, который мгновенно открывает дверь машины.

Забираемся с Тасей на заднее сиденье и увлечённо рассматриваем мелькающие мимо нас строения, обсуждая огромные дома. Это место похоже на маленький закрытый посёлок, где все постройки частные и обнесены высокими заборами, за которыми спрятались такие же влиятельные люди, как Аронов.

Через полчаса подъезжаем к саду, и директор водит меня по территории, подробно рассказывая, где и чем занимаются дети. Детей немного, но тем лучше. Оказывается, заявление было подано вчера с ксерокопией всех документов, ко-

которые остались у Островского. Место Таси оплачено на полгода вперёд, а это означает, что сумма, которую я должна Парето, значительно возросла, если учитывать купленный телефон. Мне не нравится, что теперь я его должница, но он был прав, когда говорил, что я обязана работать, не отвлекаясь на Тасю.

– Всё понравилось? – спрашивает Гриша, как только мы отъезжаем от сада и сворачиваем на дорогу обратно к дому.

– Да. Частный сад однозначно лучше государственного.

– Теперь твоя дочь – мой подопечный, за которого я отвечаю, – смеётся, понимая всю абсурдность ситуации.

– Ты, наверное, недоволен. Интереснее быть с шефом, обеспечивая его безопасность.

– Было интересно, – отводит взгляд. – До того самого момента, пока Илюху не застрелил какой-то придурок, покушавшийся на Аронова. Знаешь, как-то пропал интерес. Я лучше вон мелкую возить буду: оплата та же, а опасности ноль.

– И часто такие опасности бывают?

На секунду мелькает мысль: ни за какие бы деньги я не решилась бы отдать свою жизнь добровольно.

– Совсем нет. Я здесь полтора года. Разное, конечно, было: психи, которые в морду кидаются и по головам охраны лезут; идиоты, которые под машину бросаются; журналисты, которые умудрялись даже на территорию пробраться под видом обслуживающего персонала или работников доставки.

Но чтобы стрелок и впоследствии труп – не было. Последнее покушение на Аронова лет пять назад состоялось, он тогда ещё депутатом был. После инцидента, кстати, и получил проблемы с ногой.

– В него стреляли?

– Нет. Машина перевернулась несколько раз.

– Ох, – выдавливаю из себя.

Вероятно, шрам, который я заметила у Альберта Витальевича, получен именно тогда, значит ли это, что шрамы Островского появились по этой же причине?

– И так бывает... Поэтому уж лучше я личным телохранителем мелкой побуду, – усмехается и кивает, словно сам с собой ведёт беседу. – Не переживай: отвезу, заберу, доставлю.

– Я не об этом переживаю, а о том, сойдётся ли Тася с детьми. Она общительная, открытая, но новых людей принимает тяжело.

Говорю и сама же себе противоречу, потому что к Константину Сергеевичу она прониклась симпатией необычайно быстро, приняла и даже в щёку поцеловала. Детская душа загадочна и часто непонятна, маленькие тянутся к тем, кто, казалось бы, не вызывает у окружающих никакой симпатии, и отступают на шаг от тех, кому большинство симпатизирует. Как это работает – неясно, но факт остаётся фактом: Тасе пришёлся по душе Парето с его ледяным взглядом и устрашающим шрамом.

– Вот вернётся сегодня из сада и спросишь впечатления, но мне кажется, малой там понравится.

– Надеюсь.

Возвращаемся в дом Аронова, выхожу из машины, но Гриша не следует за мной, а разворачивается и уезжает. Наверное, между поездками в сад у него есть дополнительные задания.

Глава 7

Близятся выходные, и за несколько дней моё общение с Островским сократилось до минимума. С утра до его прихода стараюсь оставить тарелку с завтраком на столе, исчезнув за минуту до того, как отворится дверь на кухню. Собираю с утра Тасю и передаю Грише, который забирает ребёнка прямо у бокового входа. Так вероятность встретить Парето сокращается в несколько раз.

Моей девочке нравится новый сад, воспитатель и наличие огромного количества игр, которыми можно увлечься. Аронов молчит про сумму, внесённую за Тасю, да и Константин Сергеевич ни словом не обмолвился, что меня напрягает. Такие люди ничего и никогда не делают просто так, обязательно с выгодой для себя. Но какая выгода от меня такому влиятельному человеку, как Аронов? Я лишь женщина, попавшая в тяжёлые жизненные обстоятельства с ребёнком на руках, не имеющая за плечами денег, связей и даже собственного дома.

Уже привычно топчусь у ворот, ожидая, когда Гриша привезёт дочь из сада. Мороз, сыплет мелкий снежок, тонким покрывалом укладываясь на дорожки. Озираюсь, посматривая на камеры по периметру. Изначально я даже не обратила на них внимания, но когда более детально изучила территорию дома, обнаружила их больше тридцати. Интересно, где

находится пункт просмотра видео и ведётся ли запись круглосуточно? Как только я задала себе этот вопрос, поняла: напрягаюсь лишь от одной мысли, что кто-то за мной наблюдает. Хотя кому я нужна, ведь всё это лишь меры предосторожности для Аронова.

– Мам, привет! – Таська несётся, запрыгивая мне на руки. – А мы сегодня лепили животных из воздушного пластилина. Я сделала зайку с ушками и хвостиком. Воспитательница сказала, что у меня самый красивый зайчик из всех! – хвалится, стараясь быстрее всё выдать и проглатывая слова.

– Ты его забрала или оставила в саду?

– Мам, ну ты что? Он ведь высохнуть должен, и тогда можно играть. В понедельник придём и сделаем зоопарк из животных.

– Прости, не подумала.

– Теперь знаешь.

Опускаю Тасю, и она направляется вприпрыжку в сторону коттеджа, путь к которому выучила наизусть, как и прилегающую территорию, которая доступна для нас.

– Лен, – окликает Гриша, – воспитательница попросила... – осекается, потирая нос и не смотря в глаза.

– О чём? Говори.

– Попросила... чтобы одели ребёнка поприличнее, – прокашливается, словно говорит о чём-то настолько неприятном, что меня должно это поддеть. Но я осознаю, что тот ограниченный набор вещей, который есть у Таси на данный

момент, пополнить пока не представляется возможным. – В саду дети из состоятельных семей, и малая среди них значительно выделяется. Она не сказала, что это обязательно, просто опасается, как бы другие дети не стали клевать.

– Ничего страшного. Спасибо, что сказал, Гриша. Постараюсь исправить ситуацию.

Иного ответить не могу, не желая грузить постороннего человека незначительными проблемами. Пока я ничего не получала, а Петровна сказала, что расчёт обычно раз в две недели, я же отработала полторы. Проверяю Тасю, которая разделась и уже включила телевизор, чтобы посмотреть мультики. После сада она стандартно вымотана и спокойна, поэтому ложится рано и спит до самого утра не просыпаясь. Возвращаюсь, чтобы подготовиться к завтраку Островского, который заходит на кухню в семь тридцать, не разделяя дни недели на будни и выходные, когда звонит служебный телефон и Аронов приказывает явиться к нему в кабинет с двумя чашками чёрного кофе. Просьба сразу даёт понять, что компанию ему составляет Островский, которого мне удавалось избегать несколько дней.

Сварив кофе, выставляю на поднос кружки и иду к хозяину, приготовившись, что буду вновь дрожать под гнётом синих ледников.

– Входите. – Альберт Витальевич встречает улыбкой, которая меркнет в сравнении с придиричивым взглядом Островского.

– Ваш кофе, – выставляю кружку перед хозяином дома, на секунду замираю, ожидая приказа от Парето. Кивает в сторону журнального столика рядом.

– Это вам. – Аронов протягивает конверт. – Расчёт раз в две недели, но я подумал... лучше сейчас.

– Огромное спасибо, – прижимаю конверт к груди, словно это самое ценное для меня. Хотя так и есть, и теперь имеется возможность купить что-то дочери.

– Лучше, конечно, чтобы вы обзавелись картой.

– Была. Но украдена вместе с кошельком. Заказала перепуск и надеюсь, что через пару недель будет готова. – Аронов кивает, видимо, ждёт, когда я покину кабинет, но продолжаю: – Альберт Витальевич, можно я завтра поеду в город? Я быстро, только кое-что куплю Тасе. Гриша сказал, в саду просили приодеть её, она отличается от других детей. Правда, я не знаю, какой транспорт ходит отсюда и как добраться... но спрошу у Ларисы Петровны.

Аронов бросает взгляд на Парето, а затем переводит на меня. Молчит, будто последнее слово за Островским.

– Константин Сергеевич вас отвезёт. Но учтите, его терпение не бесконечно, поэтому постарайтесь всё сделать быстро.

А меня словно из ледяного душа окатили, заставив дрожать, потому как несколько часов рядом с Островским смерти подобны, а сброситься с моста куда лучший вариант в общей перспективе.

– Может, я сама? – перехожу на писк, возражая.

– Тебя не устраивает моё общество? – Парето поднимает, чтобы остановиться напротив, напрягая удушающей силой, которой я не способна сопротивляться.

– Не хочу вас утруждать своими проблемами. – Ответ находится сразу, но его, кажется, он не устраивает. – Вы очень занятой человек, а поездка займёт полдня, которые вы можете потратить на нечто более важное.

– Будь готова к девяти.

– Но...

– Не обсуждается, – цедит сквозь зубы, сверкая гневным взглядом.

– Буду готова, – быстро соглашаюсь, забираю поднос и оставляю мужчин.

Рассказываю Тасе, что завтра отправимся в город, купим ей вещи и игрушку, а ещё любимый йогурт, сладкие шарики и печенье с клюквой. Носится, придумывая, какой ещё запрос озвучить, и наконец засыпает.

Но мне не спится, поэтому я выхожу на улицу и направляюсь к качелям. Удобно устроившись, укутываюсь в старенькую куртку и наблюдаю, как падает снег, накрывая землю белым одеялом. Спокойно, умиротворённо и тихо. Глубоко втянув морозный воздух, задерживаю дыхание на секунду, а затем выпускаю облако пара в пустоту.

Слышу за спиной шаги, которые сопровождаются хрустом снега, и не оборачиваясь понимаю, что они принадлежат

Островскому. Из тысяч лиц и звуков я непременно узнаю его даже с закрытыми глазами и в состоянии полной глухоты, потому что его появление сопровождается мурашками по коже и истерикой каждой клеточки тела. Это не страх в классическом его понимании, когда сила и преимущество над тобой человека заставляют пригнуться и уступить, а нечто иное – завораживающее, встряхивающее каждый раз и даже, как бы парадоксально это ни звучало, вызывающее восхищение.

За то время, что нахожусь здесь, заметила, как все до единого охранники опускают голову перед Островским, не решаясь открыто смотреть в глаза, и сам Аронов, находясь в роли хозяина и работодателя, всегда отступает перед решениями начальника службы безопасности. Но их отношения скрывают нечто иное – тонкое и не известное никому, понятное лишь двоим, связанным неким событием из прошлого. Я бы сказала, что Аронов подобен провинившемуся, который не понимает, как искупить вину.

Константин Сергеевич проходит мимо меня не повернувшись и исчезает в соседнем коттедже, где сразу включается свет, а сквозь незашторенное окно чётко виден силуэт мужчины, стягивающего с плеч пальто, а следом пиджак. Не могу оторваться от представления, наблюдая за движениями Островского, но он, словно почувствовав мой интерес, подходит к окну и, опершись на подоконник, застывает в одной позе. Это не прямой взгляд на расстоянии метра без ощутимой преграды, но и он будоражит меня не меньше, заставляя

вздоргнуть и быстрым шагом пойти к дому. И лишь когда дверь за моей спиной закрывается, с облегчением выдыхаю. Он живёт рядом, в нескольких шагах, но раньше я не видела его. Или же просто не обращала внимания? Не имеет значения, сколько метров между нами, я чувствую его ледяное дыхание даже сквозь толщину стен.

– Мам, а ты купишь мне куклу?

– Куплю.

– А пластилин, много цветов?

– Куплю.

– А машину?

– Зачем машина?

– Мам, ну ты чего? Для куклы!

И точно, как я не могу понять, что для куклы необходимо много дополнительных элементов. Улыбаюсь, радуясь вместе с Тасей, которая бесперебойно болтает, предвкушая поездку в город. Если в садике множество игр и развлечений, то здесь ей совсем нечем заняться.

Островский ждёт в машине, откинувшись на сиденье и постукивая по рулю. Открываю дверь и замечаю детское кресло, по-видимому новое, недавно купленное. Неужели для меня так расстарался, что удивительно и совершенно не укладывается в голове. Пристёгиваю Тасю, которая болтает ногами и осматривается в машине. Обхожу автомобиль с другой стороны, чтобы сесть рядом с дочкой, но, открыв

дверь, слышу властное:

– На переднее.

Вот же чёрт! Мысленно издаю протяжный стон, не желая находиться слишком близко к Парето, но приходится подчиниться и выполнить требование. Около получаса в тишине и напряжении, только Тася спит в детском кресле.

– Можете оставить нас в торговом центре и заняться своими делами. Мы недолго. Я только возьму Тасе всё необходимое, и можно обратно.

– А себе?

– Я обойдусь, главное – она.

Возможно, Островский не понимает, что есть моменты, когда нужно выбрать: потратить деньги на сладкое или лекарства для бабули; купить игрушку или ботинки на зиму; накормить ребёнка или позволить себе лишнюю вещь. Некоторым людям вообще не приходится выбирать, но я им не завидую, вероятно, они даже не подозревают, а могут ли пожертвовать чем-то незначительным, лишив себя привычного комфорта ради действительно важного.

– Купи что-нибудь себе. Обязательно, – не унимается, а мне непонятно его желание навязать покупку. Мне кажется, он всегда смотрит сквозь меня, как на пустое место, не заслуживающее его концентрации. – Куртка тонкая, совсем не зимняя, – кивает на старый пуховичок, – обувь убогая, джинсы могу сказать то же самое.

В любой другой ситуации я бы приняла это как оскорбле-

ние, но не сейчас и не от него. Смирилась с положением вещей и невозможностью приобретения нового каждый сезон, donaшивая одежду, приобретённую ранее.

– Я подумаю.

– В конверте было достаточно. Или нет?

– Достаточно, – подтверждаю и вспоминаю, как вчера радовалась, пересчитывая деньги. – Но я не могу себе позволить тратить всё и сразу, не думая наперёд. У меня есть проблемы: я должна вам за телефон, Альберту Витальевичу за сад и соседке за похороны бабули.

– Какой соседке? – напрягается, понижая голос.

– Вале. В тот момент, когда умерла бабушка, накопленной мною суммы не хватало, а Рома отказался помочь. Пришлось обратиться к ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.